

ЛОКА

ЭНТРОПИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЗРАЧКА

ГРАНИЦЫ МИРОВ — ИЛЛЮЗИЯ.
А ВНУТРИ — ТОЛЬКО ЭНТРОПИЯ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Л. ГЁЛЬЦ

18+

Л. Гёльц
ЛОКА: Энтропия за
пределами зрачка

<https://litres.ru/74550183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Возможно, ты попал сюда не случайно. Возможно, все жертвы ради тебя не напрасны.

Старый мир для тебя закрыт. Твой новый дом - Лока, многомерное место со странными законами жизни на каждом этаже, кишашее опасными тварями и порой не менее опасными людьми. Доверяй только себе. Только прочтя ты поймешь, что энтропия - не просто распад, но что-то большее...

Это не просто дневник человека с незавидной судьбой. Это буквально жизнь на грани потери себя.

Это – Лока.

Содержание

XXX	4
Часть 1. Меня зовут Рита, но можешь звать меня покурить. Глава 1	9
Глава 2	21
Часть 2. Выхода нет. Глава 3	31
Глава 4	42
Часть 3. Монохромная. Глава 5	51
Глава 6	63
Глава 7	82
Часть	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Л. Гёльц

ЛОКА: Энтропия за пределами зрачка

XXX

Выходить на подмену в старое место работы – самое неблагодарное и катастрофически нелюбимое мной дело. Сегодня, 25 сентября, пришлось это сделать. Снова. Спустился... Два с половиной года? Хрен бы знал, зачем я вообще на это пошёл. Быть может, потому что я всё никак не могу искоренить привычку помогать старым друзьям, которые, может, и не друзья уже вовсе. Быть может, потому что у всех моих товарищей дни рождения как на подбор в конце сентября – начале октября, эдакие плоды новогоднего веселья своих родителей, которые делают сентябрь самым затратным для меня месяцем. А быть может, всё проще, и я просто никуда не прибилсь по жизни, что тоже правды отнюдь не лишено.

В принципе, плевать. Сути это не меняет: я стою под серым небом и затягиваюсь сигаретой возле торгового центра, где когда-то работал вместе с товарищем. Эх, кажется, собируется дождь, но всё никак не соберётся. Как и я со своими

мыслями, чтобы заставить себя наконец-то вернуться на рабочее место.

Связывать свою жизнь с тасканием тяжестей на горбу я перестал в тот самый момент, когда уволился отсюда. Понял, что это уже пройденный этап и пора двигаться дальше. В нашем городе на тяжёлом физическом труде особо не зарабатываешь на жизнь, а во времена, когда пачка самых дешёвых сигарет стоит одну десятую моей ставки за смену – а выкуриваю я зачастую даже полторы в сутки – интерес к работе с друзьями уходит на задний план, уступая желанию вкусно кушать и кататься не на общественном. Сейчас мой основной род деятельности – ремонт авто, но в свободное время я берусь за всё, что хорошо оплачивается и не предполагает прямой постоянной коммуникации с людьми. Ну, сегодня не в счёт. Буду считать своё согласие выйти вместо Лёхи на смену очередной ошибкой молодости.

После второй – или третьей, чёрт знает – сигареты, пришло чёткое и яркое осознание, что весь день филонить не выйдет, и надо идти.

Нда, пора бы уже.

Отправлил бычок в полёт до урны с расстояния примерно в три метра и попал точно в цель, как обычно.

– Ого какие люди, а наш дед Максим, я вижу, не растерял ещё в своём почтенном возрасте бывшие навыки меткости. Хоро-о-ош.

Маленький худощавый силуэт в чёрном длинном худи с

глубоким капюшоном, из-под которого блещут в тусклом свете фар припаркованного перед нами форда карие озорные глаза. Непослушная прядь каштановых волос на скульптурно-идеальном лице и маленький курносый носик.

– Рита? Да ладно, ты до сих пор в этом захолустье жухлые цветы пузатым дядькам втюхиваешь?

– Далеко не всегда пузатым, а иногда очень даже симпатичным, – фирменный зипповский щелчок, краткий танец маленького огонька. Глубокая затяжка и такой же глубокий выдох. Рита прижалась спиной к стене здания торгового центра и уставилась на пасмурно-тёмное небо. – Да не такие уж и плохие цветы, ну. А вообще если бы ты хотя бы иногда писал за эти два года, то, возможно, знал бы о моей жизни чуточку больше и не удивлялся бы так.

– Мне нужно придумывать охуеть какое реалистичное оправдание? Ну там, работа, бизнес, интернет откинулся. Или кошка рожала, помогал. Два года. Тысяча двести котят из неё вышло, сам был в шоке.

– Избавь, – она махнула рукой. – Расскажи лучше, что ты забыл тут и почему на тебе эта дурацкая спецовка. А то я прям флешбек словила.

– Потому что я уже двадцать минут не могу собраться с силами пойти работать. Самбист наш попросил подменить. Идея согласиться хоть на день вернуться на работу грузчиком была самым тупым, что приходило мне в голову в последнее время.

– Тебя в принципе хорошие мысли посещали редко, – съязвила Рита.

Понимая причину её пассивной агрессии в мой адрес, я решил сгладить углы.

– Да ладно тебе. Не злись. Ты ведь и сама ни одного сообщения за всё время не отправила. Давай лучше после смены прогуляемся, как в старые добрые.

– А что, кошка уже рожать закончила?

– Закончила, закончила. И фантомный бизнес мой тоже, пожалуй, подождёт.

– Славно, – лёд в тоне приятного голоса тронулся, и Рита улыбнулась краешком губ, после чего přátельски хлопнула меня по плечу. – Иди уже работай, лентяй. Время проходит, а ты не меняешься.

Скользнув взглядом по урне и в очередной раз удовлетворённый своей ошеломительной меткостью, я пошёл ко входу в торговый центр.

– Макс, – голос Риты заставил меня обернуться. – Захочешь поесть на халяву – залетай ко мне в цветочку. Я еды набрала с собой, словно на последний ужин.

Получив от меня удовлетворительный кивок в ответ, Рита потушила бычок о стену и прицелилась в мусорку.

Я отвернулся и двинулся в сторону входа.

Демонстративно громкий недовольный выдох в дуэте со скрипом закрывающейся за мной двери торгового центра не заставил себя долго ждать.

Разумеется, не попала.

Никогда не попадала.

Часть 1. Меня зовут Рита, но можешь звать меня покурить. Глава 1

Мне повторять два раза не нужно, поэтому через час я уже сидел в каморке цветочного бутика с холодной рыбной котлетой за щекой и смотрел на ютубе видео про теорию большого взрыва и космологическую сингулярность.

– Небо такое серое сегодня... – Рита со скучающим видом сидела возле окна, облокотившись на подоконник. – И смена такая скучная... Интересно, сегодня не цветочный день или в ТЦ в принципе никого нет?

– В принципе.

– Город вымер сегодня совсем, что ли? У меня пять покупателей, но это-то ладно. Вот раз уж в ТЦ в принципе никто не ходит, то точно все передохли разом.

– Ты сама любезность, – усмехнулся я.

– Ну а что, тебе выражаться можно, а мне нет?

– Стремиться надо к лучшему, Рита. А не брюзжащему Максиму уподобляться.

– Ну всё, всё, не занудничай, – флорист ковыряла ногтём кусок скотча, прилепленный кем-то на подоконнике. Стрелка настенных часов времён совка, которые тикали слишком громко, перевалила ещё на час вперёд.

16:00.

– Слушай.

– Внимаю, – она повернулась и обратила ко мне серьёзный взгляд выразительных карих глаз.

– Почему ты не уволишься отсюда? Ты здесь чалишься уже года 4. Платят тебе копейки, условий никаких. Даже микроволновку поставить не могут, – взглядом я указал на контейнер с котлетами. – Не говоря уже о чайнике. Проходимости в этом ТЦ на отшибе города уже давно нет. Ты просто сидишь и пялишься в окно часами.

– Ну почему же пялюсь в окно? Иногда вот книжку читаю, – кивок в сторону «Трёх товарищей» Ремарка, лежащей на углу подоконника.

Одарённая моим явно скептическим взглядом, Рита взяла довольно продолжительную паузу перед ответом. Отвернувшись, уставилась в потолок. Блёклый свет маленькой лампы на столе очерчивал острые линии её скул и аккуратненького подбородка. Молчание и неподвижность тянулись так долго, что мне начало казаться, будто время застыло. Когда она заговорила, я кинул взгляд на часы.

16:07.

– А почему ты вообще об этом спрашиваешь?

Я пожал плечами.

– Любопытство?

– Любопытство, значит.

– Ну типа.

Ещё пара минут тишины. Рита с интервалами приблизительно в 20-25 секунд скользила взглядом с покрытого пылью потолка на дырку в полу.

16:09.

– Я устроилась сюда, когда мне только-только исполнилось восемнадцать. Меня с образованием 9 классов и кучей долгов мало кто был готов взять на работу. Владелица этого бутика, моя тёзка, приняла меня без лишних вопросов и всё это время была добра. Без проблем давала отгулы, когда я просила...

– Ты их не просила.

– Да? Вроде же, было пару раз...

– Один, Рита. В тот день, когда ты хоронила своего деда. Ты даже с температурой в 39 выходила работать. Я тебе тогда ещё жаропонижающее и воду таскал.

– И правда, помню такое, – на секунду на лице девушки мелькнула едва уловимая полуулыбка, а тон голоса стал чуть мягче. – Давно это было... Ну да не важно. Не об этом речь. Зарплату мне не задерживают, платят стабильно. Никаких штрафов. Да и мне недавно повысили ставку немного...

– На сколько?

Она недвусмысленно замолчала и глубоко вздохнула.

– Давай не будем о грустных трёхзначных числах, а? Лучше скажи, а какая у тебя фамилия? Мы знакомы несколько лет уже, а я не знаю до сих пор.

– Уже чуть больше трёх.

Сам от себя не ожидал того, что помню так отчётливо эту дату. 1 сентября, смена в ТЦ. Завал, поток поставок. Долгожданный перекур. Тихое «извини, друг, сигареты лишней не найдётся?» и отблеск огонька зажигалки, весело пляшущий в грустных карих глазах.

«Кстати, меня зовут Рита, но можешь звать меня покурить».

И я звал. Два года каждую свою смену слушал зипповские щелчки и наблюдал, как карие глаза в свете огня зажигалки становятся похожими на янтарь. Любовался.

Я никогда не понимал, что такая прекрасная девушка как Рита делает в таком убогом месте. Фарфорово-кукольные, словно точёные, черты лица, выразительный взгляд. Всегда ухоженная, окутанная мягким запахом лаванды, порой перебиваемым дешёвыми сигаретами. Вокруг неё вечно было много внимания мужчин, но никто из них не задерживался возле неё надолго.

Даже сам немного удивился, что всё это так отчётливо запечатлено в моих воспоминаниях.

– Ну вот, тем более, – спокойный голос заставил меня резко вынырнуть из омуты воспоминаний. – Почему-то стало жутко интересно. Мне по твоему лицу кажется, что у тебя есть немецкие корни. Наверное, ты какой-нибудь там Миллер... Хм. Максим Миллер. А что, звучит очень даже.

– Всё проще и прозаичней. Максим Белый.

Звонкий смех девушки заглушил навязчиво-громкое ти-

канье часов, переваливших за 16:15.

– Белый? Хе-хе-хе, а почему не Чёрный?

– Кажется, я знаю, по какой причине в школьные годы тебя всё-таки не брали в сборную КВН.

– Ой, да ну тебя, – её любимые притворно-обиженные нотки в голосе. – На самом деле, звучишь как какой-нибудь писатель. Нет, погоди... не писатель, аж даже литературный критик.

– Тебе действительно кажется, что это хорошая тема для диалога?

– Нет, ну если хочешь, можем, конечно, обсудить, что у тебя за бизнес такой удивительный, из-за которого ты печатать сообщения разучился, и почему твоя кошка, которой нет, рождает два года беспрерывно. Кстати, а куда ты дел всех этих котят?

– Понял, молчу.

Рита довольно прищурилась и улыбнулась.

– Победила.

– Ну да, твои навыки манипулирования, как всегда, на высоте. В отличие от меткости...

– Цыть, – интонация голоса вмиг меняется. Девушка резко поворачивается ко мне и прожигает взглядом расширенных зрачков. – Слушай, а я знаю, куда хочу прогуляться сегодня вечером.

– Куда?

Долгая пауза, нагнавшая предчувствие чего-то ебаного.

Крайне ебаного.

На часах 16:20.

– В «Щель».

«Щелью» мы называли место, в которое я бы не хотел больше попасть никогда. Потому что туда в принципе ни один адекватный человек не сунется.

Когда мне было лет эдак 10, мы с ребятами со двора тайком от родителей покинули его пределы и, вооружившись фонариками, пошли в подвал старого заброшенного здания. Обычное для мелких пацанов дело – шариться по всяким захолустным местам и после этого, преисполнившись адреналина, хвастаться друзьям, какие мы крутые. В подвале наша группа нашла узкую дыру в стене, ну и, конечно же, кто не залез в неё – тот ссыкло, поэтому полезли все.

Нас зашло четверо. Вышло трое.

Оказавшись по ту сторону щели, мы сразу почувствовали, что творится какая-то чертовщина. Выглядела местность в соответствии с подвалом, из которого мы пришли: испещрённый трещинами бетон, дырки в полу и стенах в рандомных местах. Но одна деталь привлекла моё внимание почти сразу, так как не вязалась со всей этой руинной картинкой – неизвестно куда тянувшийся аккуратный, будто новый, белый кабель-канал, под которым, когда Марк, один из наших, его расковырял, было четыре провода.

Сразу за дырой в стене была развилка: узкая лестница с окошком-бойницей примерно 10 на 30 под потолком налево и коридор с густо-дѣгтевой темнотой направо. Первый вариант выглядел менее зловеще, поэтому мы двинулись вверх.

Лестница была подобна подъездной, имела два пролёта с платформой между ними и поднималась высотой примерно на половину этажа стандартного дома. И если до платформы ещё доходил слабый свет, то следом начиналась зона без единого намёка на освещение. Но нашу группу это, конечно, не остановило. Ведь пацаны темноты не боятся. Иначе ты не крутой.

Следующие события я помню, как в тумане. Снова свернув налево, мы заходили вглубь по тѣмным коридорам, всегда придерживаясь одной стороны. Марк, то ли самый смелый, то ли самый дурной, вооружившись найденной по пути арматурой, почему-то решил исследовать местность поглубже и вошёл в одну из категорически не внушавших доверия полуразрушенных дверей, отделившись от группы, чего мы договаривались не делать ни при каких обстоятельствах.

– Э, слышь! Вернись к нам, Марк, ты совсем дебил что-ли?

– Порядок, пацаны. Это просто пустая комната. Тут ничего нет... Совсем ничего? Даже стен и потолка не вижу. Интересно, насколько ж она большая? Погнали со мной, посмотрим.

– Сюда дуй, зритель хренов.

– Ладно, ладно, иду.

Лёгкое поскрипывание дверных петель. Фонарик Марка вмиг гаснет. Тихое, словно полушёпотом «чёрт» из комнаты знакомым голосом. Хлопок двери.

Когда мы открыли дверь, там никого не было – только крошечная тьма и давящая тишина. Мы где-то с пол часа светили в комнату фонарями и повторяли его имя, но никто так и не появился и, конечно же, не откликнулся. Затем двое вошли, встали спина к спине и стали светить по сторонам, пока я держал дверь. Тщетно.

Уходя, я обернулся и снова кинул взгляд в пустоту помещения за дверью. И... то ли это моя детская фантазия разбушевалась, то ли подмена воспоминаний из-за бурного воображения, но, помнится, мне почудилось, будто пустота мне *зловеще улыбалась* вслед.

Свалить, скажу честно, хотелось конкретно. Очень навязчива была мысль бросить этих придурков-исследователей с их сомнительными авантюрами, из-за которых один из наших куда-то потерялся, и пойти на выход к чертям собачьим. Но назойливое наитие подсказывало, что разделяться в этом донельзя мракобесном месте – задумка далеко не из лучших.

В какой-то момент мы всё-таки признали, что нет смысла оставаться здесь, и Марка мы не найдём. Приняли разумное решение сознаться родителям в нарушении запрета на покидание двора и попросить их помощи в его поисках. Хотя, признаться честно, у всех троих было предчувствие, что

в этом уже нет смысла.

И мы были правы. Марк нашёлся сам. Он сидел в углу лестничной клетки, по которой мы сюда пришли. Сидел с торчащей из живота арматурой, которую сам же и подобрал, и пустым взглядом, обращённым на сделанную им дырку в углу кабель-канала, без единого признака жизни.

Марка мы коллективно решили не бросать здесь, а вынести в подвал, где пока что его оставить до уведомления родителей о произошедшем. Покидая это пространство за дырой в стене подвала с телом соседа на плече, я бросил взгляд в угол. В дырке, обрамлённой нарывами пластика, отчётливо виднелось *трипровода*.

Методом жеребьёвки было решено, что первым рассказываю обо всём случившемся родителям я. Это даже отчасти справедливо: люлей мне получать было вдвое меньше, поскольку жил я исключительно с матерью. Папаня мой уже много лет числился пропавшим без вести.

– В какой, говоришь, вы подвал пошли?..

Я ещё даже и близко не дошёл до того, что произошло с Марком, а моя мать уже была настолько бледная, что вены синим узором покрывали её тонкие руки. Она стеклянным взглядом впиалась куда-то вдаль и ногтём большого пальца рефлексорно, словно робот с единственной заданной программой, ковыряла ранку на мизинце.

Почему-то я понял, что нет смысла произносить ответ на её вопрос – она всё прекрасно расслышала. После нескольких минут нагнетающей обстановки тишины она сказала:

– Продолжай.

Честного говоря, я до самого конца не понимал, как описывать всю чертовщину, которая происходила за щелью в стене того подвала. Думал, мать это спишет на разбушевавшуюся фантазию или враньё. Но она слушала. Слушала долго. И только после рассказа о том, что случилось с Марком, перебила и твёрдо сказала:

– Забудь обо всём, что было.

Полиция проводить расследование не стала. Эту историю не крутили по телеку, а нам троим было запрещено поднимать тему произошедшего в ту ночь не то что в разговоре с другими, но и между собой. Официальная версия звучала как что-то наподобие «они вчетвером шарились по подвалу заброшенного здания, и один из мальчиков наткнулся на торчащую арматуру, из-за чего трагически погиб».

Знаю, что в этом деле всюду подсуежилась моя мать. Она сама о произошедшем говорила с семьями моих тогдашних друзей. Сама взяла на себя тяжкую ношу рассказать траурную новость бабушке Марка, с которой он жил, поскольку был сиротой. Сама занималась организацией похорон, на которых я стоял со странным ощущением того, что всё здесь – нереально, словно весь этот цирк сделан из легко плавящегося пластилина и тонких хитросплетений недосказанности

и лжи.

После похоронной процессии мы с матерью сели в машину, но она не торопилась трогаться.

– Макс. Я серьёзно. Забудь обо всём. Вы дети, вам и не такое может привидеться. Такое бывает. Нужно просто больше не вспоминать об этом, и все будет нормально, – как обычно холодно сказала она, при этом крайне внимательно смотря мне в глаза.

А мне и не хотелось вспоминать. Ни самому, ни в разговоре с пацанами. Тема случившегося была закрыта на долгие годы.

Когда мне было 19, матери не стало. Признаться, мы с ней никогда не были в тёплых отношениях, да и разговаривали-то редко, хоть и жили вместе. Она не была хорошим родителем, постоянно сидела молча в своей комнате и читала какие-то дневники – было у меня предположение, что они напоминали ей о моём отце, и так она тешила свою тоску. Человеком она была дёрганным и довольно странным. От неё мне осталась только уже изрядно подгнившая «девятка», которую я продал за гроши, и наша старая квартира. Когда я вывозил её вещи, нашёл несколько коробок с теми самыми дневниками и какими-то картами. Там были записи об исследованиях и каком-то аномальном месте. Кабель-канал, мистические комнаты... существа.

Раньше я думал, что, возможно, это наброски для книги отца. Может, он был писателем.

Но только сейчас пазл в моей голове сложился воедино.

Глава 2

ТЦ закрылся в шесть вечера по расписанию, и уже в 18:05 мы за перекурком ждали Лёху Самбиста, которого Рита выдернула с отдыха на отгуле.

Девушка игралась со своей зажигалкой, раздражая окружающих звонкими щелчками крышки.

– Страшно представить, сколько ей лет.

– М? А, ты про зажигалку мою. Я не знаю, мне она досталась от покойного дедушки. Иронично, что он мне подарил прямо перед своей смертью. Отдал, а через пару часов его увезли на скорой с инсультом.

– От дедушки, значит. Она тебе дорога, полагаю?

Рита протянула мне покоцанную Zippo и пожала плечами.

– О нём напоминает.

– Это плохо или хорошо?

– Сама не разобралась в своих эмоциях пока что.

Царапины по всему серебристому матовому корпусу, пара маленьких вмятин и кем-то криво вырезанная мелкая надпись «заря не зря, и я не зря» на одной из сторон. Выглядела, как вещь с насыщенной историей, а такие привлекали меня более всего прочего.

– Всегда хотел себе бензиновую зажигалку, – зачем-то вслух признался я.

Рита улыбнулась.

– Забирай. Будет у тебя что-то обо мне на память. Кто знает, вдруг это наша последняя встреча?

– Что за ванильный бред.

– Было бы ванильным бредом, если бы ты не имел тенденцию исчезать на несколько лет. Забирай, забирай. Для старых друзей ничего не жалко.

– Чего воркуем, голубки? – голос Лёхи перебил моё недовольство ещё до начала его словесного выражения. Мы обменялись приветственными рукопожатиями. – Ну что, движемся? А куда, кстати?

– Пусть она сама озвучивает тебе свои бредовые идеи.

– Ничего не бредовые. Я в «Щель» хочу.

– Опа, чё это тебя на экстрим потянуло? – тон голоса моего бывшего коллеги изменился, и я уже подумал, что нашёл единомышленника, и с этой затеи удастся слиться.

– Вот и я ей говорю. Хуйня идея. Лучше в бар по классике.

– Да чего ты ломаешься, Макс? Будет весело, – вопреки моим догадкам ответил он и довольно прищурил глаза.

Теперь точно отвертеться не получится.

Путь до «Щели» я почему-то помнил гораздо лучше, чем хотелось бы.

По дороге мои спутники словили одну волну и хором напевали песню группы Scorpions на паршивом английском. Я же шёл чуть поодаль, погружённый в свои мысли. И чем

дальше мы шли, тем больше мне не нравилась мысль о том, чтобы снова оказаться по ту сторону дыры в подвале.

– Макс! – Рита на ходу повернулась ко мне. В её взгляде блестели едва различимые огоньки лёгкого азарта. – Чего ты там плетёшься с невесёлой миной?

– Да что-то мне не особо весело.

– Ну, я знаю, что может это исправить, – Самбист остановился и зашуршал старым синим рюкзаком, по виду пережившим все его этапы взросления.

В принципе, от правды это было недалеко. Лёха был моим одноклассником и старым товарищем, и сколько я его помню – а это ещё со времён начальной школы – всегда ходил с одним и тем же рюкзаком, насколько знаю, доставшемся ему от старшего брата. Семья у него всегда жила не в особом достатке, поэтому старые вещи родственников появлялись в его гардеробе куда чаще, чем купленные лично ему. Сейчас он, разумеется, стандартный набор одежды себе позволить может, но этот рюкзак почему-то менять не торопится. Может, как память о старых временах, а может, ему просто плевать на такую мелочь как сумка из ткани.

Из рюкзака Лёха достал бутылку со знакомой этикеткой и протянул мне.

– На, брат. Светлое нефiltroванное всегда тебя приободряло.

Пара глотков приятно пощекотала моё горло, и настроение действительно стало чуточку звонче.

– А бог велел делиться, Макс, – Рита практически промурлыкала и состроила нарочито жалобное лицо.

Я посмотрел на густое серое небо.

– Бога нет, Рита. Он ничего не мог велеть.

Дождь всё-таки пошёл, поэтому остаток нашего пути мы преодолели практически бегом. Просевший вход в подвал заделали досками, которые, впрочем, без особого напряжения можно было вырвать вместе с заржавевшими саморезами, на которые они были прикреплены. Что мы, собственно, и сделали.

Замёрзшей Рите пришлось пожертвовать мой худи, потому что её промок до нитки, и теперь она, оставив свой просушиваться на торчащей ржавой железке, попеременно выполняла то приседания, то прыжки в попытках согреться. Мы же с Самбистом присели на кучу полуразваленных бетонных блоков, болтая ногами и допивая пиво.

– Ты же был здесь тогда. Был вместе со мной, – хрупкая паутинка некоторое время висевшей между нами тишины улетучилась из-за моих слов.

– Так мы детьми были, брат. Половину наших воспоминаний мы сами себе надумали.

– Да ну? Несколько странно, что мы все помним одно и то же.

– А чё сразу одно и то же? Сколько раз мы обсуждали

произошедшее после смерти Марка? Ага, ноль. По наказу твоей покойной матушки, между прочим.

– К чему ты клонишь?

Лёха залпом осушил бутылку, спрыгнул с нашего бетонного пристанища и закурил.

– К тому, что кому-то знатно запудрили мозги.

От его упёртой твердолобости я плавно начал закипать, и пройди ещё полминуты, он бы получил по роже, но к нам подошла Рита.

– Всё в порядке? – спросила она обеспокоенным голосом.

Мы с Лёхой как два барана смотрели друг другу в глаза: он с лёгкой ухмылкой, я с раздражением.

– В полном, малая. Мы как раз допили пиво. Пойдём, нам туда, – ободрившаяся девушка в припрыжку понеслась в указанном направлении, а Самбист слегка пихнул меня в плечо.

– Выдыхай, братишка. На вот, лучше затянись.

Он протянул мне сигарету, но я проигнорировал этот жест. Накинув на плечи худи Риты, я сухо бросил на ходу:

– Пошли.

Лёха Самбист, конечно, моментами и хабалист и много тупит, что меня порой конкретно калит, но человек он хороший. Если возникнет трудная ситуация – он первый, кто придёт на помощь, хоть последнюю рубаху отдаст. А характер у него знатно так подпортился после травмы.

Нам было лет по 15 тогда. Лёха с головой ушёл в спорт и делал огромные успехи. Его отправили на соревнования по

самбо в столицу. В тот злополучный день он шёл домой с тренировки собирать чемодан – на следующий день должен был быть уже вылет. Мы жили в довольно бедном и криминальном районе. Трое ублюдков подкараулили его у подворотни, избили и оставили там лежать истекать кровью. Хотели обокрасть, но, оказалось, с него и брать-то было нечего. Благо его быстро нашли и оказали помощь.

К сожалению, из-за полученных травм его спортивная карьера закончилась. Лишь прозвище осталось, напоминающее о ней – Самбист.

Но друзьями в полной мере мы стали гораздо позже. На срочке.

В 18 мы попали в одну роту. Мы собирались на огневую подготовку, и перед этим нас, рядовых, отвели в арсенал, где мы должны были получать оружие. Мы зашли вдвоём с Самбистом, ему выдавали гранаты, но тут произошло ЧП. У гранаты оказалась техническая неисправность – были разжаты усики, из-за чего она выпала из руки моего товарища и показала по полу. Мы с Лёхой оцепенели, я думал, нам кранты. Но тут он неожиданно вышел из ступора, среагировал и пулей полетел на гранату, закрыв её собой. Молчаливо кивнул мне и закрыл глаза.

По дичайшему везению граната была учебной, а мы оказались дебилами. Половину службы над нами вся рота смеялась. Кто же на срочке рядовым боевые гранаты выдаёт то? Нам и клички обидные придумывали. Но после пары пока-

зательных с нашей стороны драк все резко отстали. В армии мы друг за друга горой были. И именно после этого Лёха Самбист, простак и дурачок, каким я его считал прежде, стал тем, за кого я, не раздумывая, получил бы шальную. Сколько бы мы ни ругались.

В «Щели» всё осталось по-прежнему. Развилка с узкой лестницей налево и сомнительным тёмным коридором направо. И не успел я сказать, что стоит бы свернуть не в ту же сторону, что и в прошлый раз, как Рита и Самбист уже начали ступать по лестнице вверх.

В этот момент я окончательно оставил попытки их вразумить и просто пошёл следом.

– А дальше куда? – тихий голос Риты эхом искажился в стенах коридора.

– Направо, – ответил Лёха и кинул внезапно косой взгляд на меня. – Слева нечего ловить.

Локация была похожа на аккуратный подъезд в хрущёвке – средней ширины не особо длинный холл, в котором несколько металлических дверей будто в квартиры, а в самом конце – пара ступенек наверх. Почему-то у меня в голове возникла мысль, что «Щель» *очень любит* лестницы и коридоры, будто бы «Щель» – не неодушевлённая местность с какими-то дьявольскими аномалиями, а единый структурированный организм.

– Здесь так... светло? – удивилась девушка.

Действительно светло для комнаты, в которой нет ни еди-

ного источника света. Будто пасмурный день проникает в это помещение сквозь стёкла небольших окон, которых здесь нет.

– А ещё на удивление спокойно, – подметил Лёха.

И вправду, вся тревога и предчувствие чего-то ебаного куда-то испарились, будто их и вовсе не было никогда.

Рита села на пол и потянулась.

– Это место напоминает мне подъезд дома моего дедушки, – с улыбкой сказала она. – Не хватает только старых полуразбитых окон и осколков стекла с окурками по всему полу.

– Ну, сейчас будет напоминать ещё больше, – Самбист размял кости на руках и потянулся к пачке.

– Лёша-а-а, – притворно-порицающий тон девушки вызвал с его стороны дурацкий хохот. – Сам пошутил, сам посмеялся. А Макс ещё что-то про моё чувство юмора говорит.

– Оно у вас обоих на уровне. На каком именно – лучше уточнять не буду.

– Ну всё, всё, не брюзжи, дедуля, – она кинула в меня какой-то бумажкой, которую нашла в кармане моего худака. – Разбухтелся, а.

Лёха всё же закурил, и мы последовали его примеру.

– Мы как будто на несколько лет назад вернулись. Будто и не было такого, что не общались два года, – ностальгически подметила девушка.

Я почему-то явно ощутил, что это камень в мой огород. Но до того, как я успел хоть что-либо возразить, Рита подо-

рвалась и пошла вперёд.

– Не забывай, что меня всегда можно звать покурить, окейси? Ну что, ребят, погнали.

Лёха встал, отряхнулся и поспешил за ней следом. Моя компания решила проигнорировать боковые двери и пойти прямо, на небольшую лестницу. И вот тут, как только Рита сделала первый шаг на ступеньку, на меня почему-то накатило чувство тревожности. Я бы даже сказал, навалилось. Резкое и катастрофически сильное. Каждый шаг давался мне со всё большей тяжестью, словно воздух в помещении давил мне на плечи и тяжким грузом оседал на ступнях. Лёгкие сдавило, дышать стало до невозможности трудно. Мои друзья уже прошли поодаль вперёд, а меня будто парализовало на ступеньках.

«Максим?..»

Я узнал бы этот голос из миллионов других, пусть и слышал его редко. И никогда бы не спутал с другим. Сколько бы ни прошло лет.

«Максим, сынок...»

Несколько шагов назад – и там, за едва приоткрытой дверью, я увидел её чёткий силуэт с ярким контрастом белой кожи и чёрных волос.

Почему-то от неё веяло теплом. Таким, как никогда прежде не было. Время начинает тянуться, как в слоу-мо.

Кадр раз: я пересекаю порог комнаты. Силуэт становится ближе. Тепло.

Кадр два: чей-то далёкий крик на заднем плане, будто сквозь пелену.

Кадр три: знакомые холодные руки вытягивают меня прочь из комнаты. Крики становятся отчётливее. Испуганные карие глаза.

Кадр четыре: Риту что-то тянет вглубь соседней комнаты, в самую гущу темноты. От неё тянется кровавый след.

Кадр пять: я сижу неподвижно и расширенными зрачками смотрю на алую лужу. Самбист бежит ко мне, но его резко сносит нечто, не поддающееся описанию в своей омерзительности. Хруст костей.

«Режь...»

Голос Самбиста раздаётся словно в моей голове.

«Блядь, режь!»

Вымученные слова плавно становятся чётче.

– Режь... грёбанный... кабель!

Искажённое болью лицо друга. Чёртова кровь, запах которой бьёт в ноздри. Я прихожу в себя, когда мой товарищ в последнем рывке, выиграв мне немного времени, вонзает нож по самую рукоять в черную тушу, после чего его тело с хрустом обмякает под передними конечностями чудовища. Я подрываюсь и несусь к кабель-каналу.

Нездоровая тишина. Что-то стремительно приближается ко мне.

Один провод под кабель-каналом. Я достаю из кармана нож и резко его перерезаю.

Часть 2. Выхода нет. Глава 3

– Куда смотришь?

Эхо знакомого голоса заставило меня обернуться. Скульптурно-правильное лицо Риты украшали едва уловимая улыбка и привычный блеск карих глаз.

– На звёздное небо, – жестом я позвал её присесть рядом. Девушка подошла и устроилась на траве, вытянув ноги. – В детстве я мечтал стать космонавтом. Забавно, правда?

Рита рассмеялась, и звук её смеха по своей структуре более походил на колебания утренней росы на ветру.

– Какая заезженная мечта. Мог бы и что-то новое придумать. Я вот, например, пошла против системы и мечтала стать уборщицей в каком-нибудь крутом пятизвёздочном отеле с красными ковравыми дорожками и безумно дорогими номерами.

– Какие-то странные у тебя предпочтения.

– Да, вероятно, звучит смешно, но ты только задумайся. Может, пока я мыла пол в холле, со мной бы здоровалась Анжелина Джоли и звала на чашечку кофе...

– И часто ты зовёшь уборщиц на кофе?

– Но я-то не Анжелина Джоли.

Шелест травы приятно щекотал уши, а ветер обволакивал тело мягким коконом. Я был здесь впервые, но в этом месте так спокойно и уютно, что я бы остался навечно...

– А я всё-таки была права, – вывел меня из приятного транса тихий голос.

– В чём?

Рита придвинулась ко мне, достала у меня из кармана подаренную ей зажигалку и положила мне в ладонь, указав на неё взглядом.

– Жаль, что мы с тобой больше не увидимся. Я буду скучать, Макс.

Дикий звон в ушах – первое, что я услышал, когда резко распахнул глаза. Я обнаружил себя стоящим у серой стены с ножом в руке возле надорванного кабель-канала. Впился в него глазами, попытавшись сфокусировать затуманенный взгляд, и тут же впал в ступор.

Кабель-канал был пустой. Ни единого намёка на провода.

В памяти резко начали калейдоскопом всплывать кадры последнего, что я запомнил. Кровь. Крики. Хруст костей. Нечто, утаскивающее тело Риты в комнату. Искажённое болью лицо Лёхи. К горлу подступил ком, и, честно, я не понимаю, как смог сдержать его в себе и не проблеваться. Спиной примкнув к стене, я беспомощно стёк по ней вниз и потянулся за сигаретами в карман. Последние три, одна из которых покидает пачку, чтобы наполнить едким дымом мои лёгкие.

Почему я здесь? Отчётливая картинка того, как я резким движением перерезаю провод, рисовалась в памяти. Мать

писала, что те, кто делают это, просто... исчезают. А я здесь. Жив? Но если жив, то что из себя представляют эти провода на самом деле и от чего зависит их количество? Ведь по дневникам было очевидно, что это число живых людей и соответственно их линии жизни. Да и смерть Марка это только подтверждает. А теперь, раз я сижу тут и курю, это похоже на какую-то чёртову дичь.

К горлу снова подступило, и в этот раз я сдержаться не смог.

Трясущейся рукой я попытался поднести сигарету к губам, чтобы сделать затяжку. Второй – обнимал коленки. Спустя несколько тяг тремор стих, и меня холодной волной накрыла экзистенциальная пустота. Я сверлил глазами трещину в стене. В голове не было ни единой мысли.

Я докурил, встал и свернул за угол. Туда, где всё произошло.

На полу, залитом потемневшей кровью, лежал побагровевший надорванный рюкзак Самбиста. Чуть поодаль – вывалившийся из него фонарик. Мерзкий запах, окутывавший собой пространство, изнутри разъедал дыхательные пути. В конце коридора всё так же виднелись две двери, одна из которых, промаркированная кровавыми подтёками, была приоткрыта.

Давящий на мозги звон в ушах притих, но окончательно не исчез: теперь он, скорее, напоминал писк. Пока я шёл к двери, подошва неприятно прилипала к полу и воспроизво-

дила гадкий хлюпающий звук. Подобрав фонарик Лёхи, я приоткрыл дверь шире. Петли издали неприятный скрип.

В комнате, куда я попал, темнота была густая, как дёготь. Моим глазам понадобилось немало времени, чтобы к ней адаптироваться, пока я пытался включить измазанный в крови фонарик, не реагирующий на кнопку. По своей сути помещение скорее напоминало какую-то пещеру, чем комнату. Пещеру, уходящую вглубь. И почему-то мне показалось, что где-то впереди едва уловимо раздавалось низкое хриплое дыхание.

Я двинулся на звук осторожными шагами, прощупывая пространство в темноте. Постепенно дыхание становилось ближе. Фонарик предательски не поддавался, и, психанув, я кинул его на пол, после чего – о чудо – он заработал, осветив некоторое пространство впереди.

Теперь там, в глубине помещения, свет отражался от чего-то, напоминавшего два огромных глаза. Я замер, но было поздно. Оно меня заметило и стало неторопливо приближаться.

Существо было огромных размеров и напоминало мордой волка. Животное словно было соткано из самой темноты, являясь её чистым воплощением. Чёрные глаза вытянутой формы прожигали холодом; шерсть, которая по своей структуре напоминала тёмную дымку, будто плавно перетекала в единое целое с темнотой комнаты. Смердело кровью: то ли из пасти, то ли от огромных когтистых лап со слипши-

мися комками багровой шерсти. Оно подошло ко мне вплотную, обняло и... ушло обратно в конец помещения, совершенно потеряв ко мне какой-либо интерес.

— Это же... ты — то, что напало на нас, — зачем-то вслух прохрипел я.

В глубине комнаты я заметил два растерзанных тела, слившихся в единое отвратное месиво, но не нашёл в себе силы увидеть их вблизи. Я развернулся и пошёл прочь, чувствуя на спине обжигающий холодом нечеловеческий взгляд.

Сам не заметил, как оказался возле той самой щели, через которую нас сегодня вошло трое. Попытался пройти сквозь неё... но примерно на середине упёрся в холодную бетонную стену.

Волна отчаяния накрыла меня с головой. Выхода нет.

Я обессиленно упал на пол.

Не знаю, сколько времени прошло, пока я лежал на полу и пустым взглядом смотрел в дырявый серый потолок. Может, пара часов, может, сутки. Я уснул, а когда проснулся, звон в голове окончательно утих. Где-то вдалеке раздавался стук капель, и каждая из этих капель болезненно отдавалась в висках.

Я собрался с силами. Сел. Закурил.

В пачке осталась последняя.

Слов, чтобы описать ту опустошённость, которую я ощу-

щал, подобрать невозможно. Мне больше не было ни грустно, ни страшно. Мне было просто никак, словно во мне разом пропало всё человеческое: страхи, эмоции, чувства... Хотя чёрт знает, что я теперь такое? Может, я действительно больше не человек? Я же, в конце концов, перерезал тот кабель.

Я резко подскочил, потому что наконец-то, кажется, начал что-то понимать. Значит, люди, перерезавшие кабель, не канули в небытие? Получается, это, наоборот, способ выжить? Но по какой причине, если количество грёбанных проводов действительно равняется количеству живых в коридоре, сейчас их не иначе как ровно чёртов ноль? Неужели эта теория про кабель-канал ошибочна? Или... или я всё же не жив, но теперь существую... в иной форме? Что-то из серии тех идей про то, что после смерти душа остаётся призраком бродить по улицам, не имея возможности контакта с живыми?

– Сюр какой-то, блять, – выругался я вслух.

Ну, с другой стороны, разве чёрная, словно квинтэссенция тьмы, огромная херня с когтями, размером с мои пальцы, голос моей покойной матери или комната, в которой внезапно исчез пацан, найденный потом мёртвым в другом месте – не сюр? Здесь понятие нормы становится как-то чрезмерно относительным.

Станным в моей теории того, что я вступил в свою новую жизнь после смерти, был только один момент. Если я что-то наподобие призрака, сущности, да срать как это называть, то

почему я не могу покинуть Щель? Что-то я в теориях про загробное существование не слышал про то, что призраки находятся под пожизненным домашним арестом.

Или, может, Щель – это и вовсе настоящие врата в Ад, а я сам себя сюда загнал?

Одно я благодаря всплывающим в голове записям дневников мамы знал точно – я далеко не первый, кто перерезал провода. И если я всё ещё существую, плевать, в какой форме, значит, и другие подобные мне должны быть. Не могли же все мои предшественники испариться?

В любом случае, позади меня, там, где мы заходили – теперь нет ничего, только холодный бетон. Значит, иного пути нет, кроме как двигаться вперёд.

Обыскать рюкзак Самбиста – первый и, увы, пока что последний пункт моего импровизированного плана дальнейших действий. Оттащив его на сухой участок бетона, я завалился на пол и принялся выкладывать содержимое в поисках чего-либо стоящего. В целом, ничего полезного там я не нашёл, за исключением, разве что, ножа-бабочки, мотка ниток с иглой, маркера, бутылки воды, лимитированной дисконтной карты нашего любимого бара (которая, впрочем, теперь никакой практической пользы не несла), а также коробки злаковых батончиков.

– И когда ты успел заинтересоваться правильным питанием, друг?.. – с грустью усмехнулся я.

Лёха с детства был из тех говнюков, которые могли жрать

тоннами и всё равно иметь телосложение атлета. Но желудок у него при этом был, как чёрная дыра. Помню, нам было лет по 12, когда у нас в городе открыли первый ресторан фаст-фуда. Денег у нас, обычной шпаны, не было, а настоящий бургер попробовать хотелось охуеть как сильно. И вот настал звёздный час нашего Самбиста: в первую годовщину с момента открытия заведения устраивалось парное состязание на то, кто сможет съесть больше чизбургеров. Ну и, конечно же, меня он подтянул с собой. Я подобной ему прожорливостью не обладал никогда и восторга относительно участия в конкурсе не разделял, поскольку проигравшие команды сами оплачивали свою трапезу. Но, как оказалось, мой скептицизм был напрасен, ведь Самбист в одну харю заглотил 12 бургеров. Ну и я добавил скромные 3 в нашу командную копилку. Вышли из ресторана мы с набитыми животами и двумя косарями призовых в кармане, а этот бегемот сказал, что, будь его воля, ещё и картошкой по-деревенски с колой бы шлифанул.

С тех пор прошло много времени, Лёха стал активно заниматься спортом и всё больше набирал мышечную массу, ну а жрать стал, кажется, только больше.

– Никогда я этого не говорил, но славным ты был парнем, хоть иногда я тебя и совсем не понимал. Ты всегда был готов прийти на помощь... и даже в последние секунды своей жизни ты снова меня спас. Покойся с миром, Самбист... Земля тебе металлоломом, друг.

Я сглотнул подступивший к горлу болезненный комок, убрал вещи обратно в рюкзак и, закинув его за спину, снова заглянул в ту самую злополучную комнату-пещеру.

Встретил меня всё тот же холодный взор двух чёрных глаз. Я собрал волю в кулак и подошёл к этому нечто, что убило моих друзей. Заглянул ему в глаза.

Интереса у него я по-прежнему абсолютно не вызывал. Почему это существо атаковало моих друзей, но сейчас абсолютно безразлично ко мне? Это связано с тем, что я перерезал кабель? Оно меня явно видит, но не выказывает ни капли агрессии в мой адрес.

Попытаться убить его, что ли? Но из оружия у меня только нож-бабочка...

Смерив меня ледяным взглядом, существо уложило голову на лапы и уснуло, посапывая, словно котёнок.

Не в силах больше терпеть трупный смрад, я вышел из комнаты и побрёл куда глаза глядят. В эту пещеру я решил больше не возвращаться.

Возможно, если бы после входа в «Щель» мы двинулись направо и обошли стороной эту бетонную лестницу в пасть к Дьяволу, всё сложилось бы иначе. За поворотом нас бы ждали коридоры серых стен идеальной гладкости, сплетающиеся в лабиринт с кучей развилок, по которому я сейчас и бродил. Периодически попадались источники света в виде на-

стенных лампочек наподобие тех, что используют в пещерах. Поблуждав некоторое время, я от скуки начал намечать карту на найденном в кармане старом чеке.

Чтобы не заблудиться, безопасности ради (хотя, на самом деле, чёрт знает, что здесь безопасно, а что нет) я двигался, всегда придерживаясь правой стены. Всё местное пространство представляло собой бесконечные бетонные арки прямоугольной формы. Заходишь в комнату, а там ещё несколько таких же проходов. Тем не менее, большинство из них заканчивалось комнатой-тупиком, и я возвращался обратно.

Часов через пять бесцельных блужданий я совершенно выбился из сил и решил устроить отдых. Я подошёл к очередной арке, которая на вид была меньше остальных, и осветил её фонариком. Сбоку на стене красовалась глубоко выцарапанная отметка в виде крестика и надпись «привал».

Привал? Кажется, я видел в дневниках матери какие-то записи об этом месте. Если помню правильно, то...

Я зашёл и нащупал на стене выключатель. Комнату осветило больнично-тусклым светом.

Как я и предполагал.

Мать писала о бетонных джунглях, где она и её группа обосновали себе точку общего сбора. Вроде бы, здесь они хранили инвентарь, медикаменты, что-то исследовали, ну и просто-напросто восстанавливали силы. И, к счастью, мне повезло на это убежище наткнуться.

Комната была достаточно широкая. Слева у стены распо-

лагалось семь серых от пыли раскладушек, справа – два стола, к одному из которых даже был придвинут стул. За столами стоял явно сколоченный на скорую руку широкий шкаф без створок, в котором на практически пустых полках валялись всякие мелочи наподобие канцелярии, блокнотов, маленькой аптечки и большой коробки с остатками запаса еды в виде тушёнки, бутылок воды, старых армейских галетов и прочей гадости. Приятным бонусом оказалась полупустая бутылка виски, которую я сразу же припрятал на будущее в рюкзак, словно бы опасаясь, что кто-то её может у меня забрать. У входа, под выключателем, валялся огромный тканевый мешок с кучей разных склянок и прочего барахла. Но что меня заинтересовало больше всего – возле дальнего правого угла откуда-то из стены лился небольшой ручеек воды и утекал в маленькую дырку в полу. Угол был обложен кирпичом, и это намекало на то, что не только у меня при виде этого ручейка возникла мысль об импровизированном душе.

Я умыл лицо и руки – на больше не хватило сил –, кинул рюкзак на пол и, даже не выключая свет, завалился на самую дальнюю от входа раскладушку спать.

Глава 4

Запасы еды оказались не такими скудными, какими выглядели на первый взгляд, но всё ещё далёкими от слова «аппетитно». В нормальной обстановке я такую дрянь, разумеется, есть бы не стал, но сейчас жизненная ситуация не казалась нормальной ни на йоту, если она вообще жизненная. Злаковые батончики я счёл разумным экономить, поэтому симпровизировал пару тушёнково-галетных бутербродов, выпил немного воды, помылся и отстирал запёкшуюся кровь со своей одежды.

Ну а пока она сушилась, я решил не терять времени зря и изучить содержимое шкафа чуть внимательнее.

Мелочей было много, но, в основном, бесполезных. Немудрено – видимо, люди, уходя, просто бросили всё ненужное. Интерес мой вызвал один из блокнотов, который оказался отнюдь не пустым.

Я сел на раскладушку и впился взглядом в открытую страницу.

Как давно я не видел этот почерк. Почерк, которым ставилась роспись в моих дневниках возле неудовлетворительных оценок за поведение. Буквы моей матери были немного резкими, порой не слитными, с ровным наклоном в левую сторону. В блокноте оказались многочисленные заметки об исследованиях и находках в «Щели», многие из которых я

нашёл достаточно полезными. Не знаю, сколько времени я потратил на их чтение, но к моменту, когда мне это наскучило, моя одежда была уже сухой. Я закинул блокнот, пару бутылок воды и бинты из аптечки в рюкзак, после решил отправиться в коридор по левую сторону лестницы, что возле входа в «Щель».

В том коридоре, где мы блуждали в детстве, трудно было сосчитать количество дверей. Я начал, но со счёту сбился где-то в районе семидесяти с лишним. Желудок недвусмысленно урчал, поэтому я не удержался и всё же приговорил один из злаковых батончиков, дополнив парой глотков воды.

Жаль, что маминой карты из дневников у меня с собой не было. Насколько я помню, там было описано около двадцати первых помещений в этом коридоре. Из них в моей памяти запечатлелись та, что перемещает всё, что в ней находится, в рандомную точку «Щели», библиотека с полками в загадочной зелёной пыли, от которой мать почему-то писала держаться подальше, и комната с кучей невидимых острых лесок. Данный не внушающий доверия перечень – лишь малая часть того дерьма, которое скрывается за этими дверьми.

Коридор казался бесконечным, поэтому я, собравшись с силами, дёрнул за ручку и вошёл в комнату, напротив которой стоял.

Это была оранжерея со слабым освещением и приятным

ароматом незнакомых цветов. Посередине комнаты устилась дорожка из битого мрамора, а по обеим её сторонам были растения. Некоторые из них выглядели смутно знакомо, но большинство я абсолютно точно видел впервые. Где-то вдалеке раздавались успокаивающее тихое пение птицы и журчание ручья.

Я шёл вперёд, наслаждаясь сладким коктейлем ароматов, и с каждым шагом душу словно бальзамом обволакивал покой. Через пару минут неспешной прогулки я наткнулся на лавочку с витыми узорами на спинке. Усталость накатила волной, ноги стали ватными, поэтому я присел отдохнуть.

Перед глазами рисовались самые тёплые моменты детства. Вспомнилось, как мы в первом классе пускали с соседкой по парте бумажные кораблики по лужам. Я забыл её имя, но ярким пятном в моей памяти отпечатались её большие синие глаза. Вспомнилось, как мама подарила мне на восьмилетие игрушечную железную дорогу – это был единственный стоящий подарок от неё, первый и последний. Я тогда был так счастлив, что весь день бегал по своему двору и хвастался пацанам. Вспомнился вкус моей любимой газировки из автомата, на которую мы скидывались с одноклассниками после уроков. Вспомнилось, как мы с классом были на море...

Журчание ручья и пение птиц убаюкивали слаще колыбельной в детстве.

Где я? Что я здесь делаю? Почему-то мне забылось, как я

здесь оказался, но очень хотелось спать. Усталость накатила такой лавиной, что сопротивляться попросту не было сил. Но у меня было стойкое странное ощущение, будто я забыл *что-то важное*. Последнее моё воспоминание, как мы с Ритой собирались куда-то пойти...

С Ритой?

Обрывки воспоминаний недавних событий резко ударили в голову, отрезвляя от странного морока. Мне стало жутко тревожно. Я подорвался со скамейки и пулей полетел к выходу, резко захлопнув за собой дверь.

Отдышавшись и успокоив чувство тревоги, набатом бьющее в груди, я двинулся дальше по коридору. Какая странная комната... Интересно, что было бы, если б я уснул? Может, меня ждало вечное забвение? Или же риск навсегда остаться в этих воспоминаниях? Пожалуй, проверять у меня, что неувидительно, желания нет.

Бесцельно побродив по коридору, погружённый в раздумья, по моим ощущениям, с полчаса, я остановился у очередной двери и, недолго думая, потянул за ручку.

Это было маленькое и практически пустое помещение. Из материала, подобного бетону, были сделаны немногочисленные предметы интерьера: стол, стул, шкаф и кровать. Кроме бетонной мебели в комнате был разве что настенный светильник. С потолка что-то изредка капало.

Устрашающе картина не выглядела, и я, несмотря на тревогу, решил войти... о чём тут же пожалел.

– Ай, сука!

Капля, упавшая с потолка, оставила глубокий ожог на моей ладони. Я подумал, что ну его нахуй такие приколы, и решил попытать удачу за другой дверью.

Моё чутьё вопило о том, что ни одна из дверей хорошей идеей не будет, но, понимая, что иного выбора кроме как исследовать свою новую реальность в попытках найти хоть какую-либо зацепку о выходе, у меня нет, я наспех перебинтовал кисть и открыл соседнюю дверь.

За ней меня ждала узкая деревянная лестница вниз. Я шагнул на первую ступеньку, и она издала жалобный скрип.

Ну, по крайней мере, никаких дьявольских цветов и кислоты, капающей с потолка.

Чёрт бы знал, сколько я спускался. От скуки я начал считать шаги. Раз, два, пятнадцать, сто сорок два... примерно на этом числе в лестнице начали периодически появляться дыры. Сначала небольшие, потом больше, больше... и в какой-то момент я стоял уже у такой, с которой на слудущую я явно не смогу перепрыгнуть, а подо мной устилалась густая темнота.

Пиздец.

Я поднялся обратно наверх крайне обессиленный и, недолго думая, решил вернуться в «привал».

Заснул на пыльной раскладушке, поджав колени к груди. Тишина давила на виски, и почему-то мне чудилось, что каждый тёмный, как дёготь, угол надо мной насмехался.

Похоже, когда я откинусь – просто вопрос грёбаного времени.

Проснулся я в отвратительном состоянии. Дико зудел ожог. На душе было такое чувство безнадёги, что, в принципе, смысла вставать с кровати я не видел.

Пересилив себя, я поднялся, обработал рану и перекусил галетами с тушёнкой.

Сел. Глотнул виски из припрятанной в рюкзаке бутылки. Нашупал в кармане пачку.

– Последняя, значит, – я усмехнулся, засунув пустую упаковку в карман. Почему-то мне казалась весьма ироничной мысль, что она последняя не только в пачке, но и, судя по всему, в моей жизни.

Закурил, пустым взглядом сверля потолок. Пощёлкал в руке крышкой зажигалки. *Её* зажигалки.

Не выходил из комнаты, наверное, пару дней. Не знаю точно. Понятие времени здесь кажется весьма относительным.

После своего непродолжительного экзистенциального кризиса я собрал остатки воли в кулак, остатки запасов в рюкзак и побрёл в сторону коридора. В «привал» решил не возвращаться. Либо пан, либо пропал.

Либо найду выход, либо мой труп останется лежать за од-

ной из этих, кажущихся одинаковыми, дверей. Но я хотя бы попытаюсь.

Мысль о том, что дорога по бетонной лестнице наверх стала уже обыденной, вызывала какое-то отторжение внутри меня, словно мой организм из последних сил пытался сопротивляться всей сюрреалистичности происходящего. Я шёл, и в голове моей было непривычно пусто. Смотрел на свои заляпанные смесью крови и пыли берцы. Считал шаги.

Длинный коридор встретил меня привычными темнотой и прохладой. Я открыл одну из дверей, и уже даже не удивился, когда увидел там очередную ловушку. Отырл следующую – и также поспешно закрыл. Я не знаю, сколько часов я шатался от одной дверной ручки к следующей. Я не знаю, во сколько комнат я вошёл. В конце концов, я утомлённо сполз по бетонной стене коридора и уставился пустым взглядом в потолок.

Неужели этот коридор действительно бесконечный?..

Я истерически засмеялся, и пустота с разных сторон эхом засмеялась мне в ответ.

Кажется, я уже схожу с ума.

Я исследовал комнаты коридора, по моим ощущениям, несколько недель. Ел пресные галеты и слушал скрипы дверей где-то вдалеке. Засыпал, присев на холодный бетонный пол. Хотя, судя по записям матери, этот материал лишь по-

ходил на бетон, а на деле был куда прочнее, что давило на меня ещё больше.

И в момент, когда на спасение уже не было надежды...

Я увидел, что пол коридора был разбит на два берега огромной зияющей пустотой.

Надежды действительно больше нет.

Последний шанс, который я видел в этом коридоре, обернулся очередной безысходностью.

Я осветил фонариком пропасть, но не увидел ни единого намёка на её дно. Свет начисто поглощался темнотой, и мне даже показалось, что тьма будто бы пыталась сожрать этот луч. Попытался осмотреться, но быстро понял, что перебраться на другую сторону нет смысла даже пробовать. Обречённо сел на край, достал вискарь и начал бесцельно разбалтывать ногами тьму, которая почему-то словно брызгами разлеталась в стороны.

– Да уж, весёлое вышло приключение, – усмехнулся я, отпивая из бутылки виски. – Настолько весело, что аж умереть можно.

Расслабился и уставился в потолок, представляя небо, по цвету которого я, как только что понял, в глубине души тосковал.

– Рита бы точно сейчас посмеялась над моей меланхолией. А Самбист явно бы не дал допить эту бутылку без его участия. Хе-хе.

Но неба и ребят здесь не было. Только серые стены и пыль-

ные полы без конца, но с отчётливым краем, у которого я сейчас сидел.

Я встал, парой глотков осушил бутылку и бросил её в пустоту. Сделал протяжный глубокий вздох. Отступил назад на пару шагов. Закрыв глаза. Разбежался.

И отправился навстречу ей.

Тьме.

Часть 3. Монохромная. Глава 5

Когда я очнулся, перед глазами была темнота. В голове гудело так, будто в тот день, когда меня в подростковом возрасте Самбист приложил кирпичом по башке во время потасовки на заднем дворе школы из-за того, что мы не поделили, кто из нас пойдёт на дискотеке танцевать с самой красивой девочкой с параллели. Ох уж эти детские разборки.

Кстати, в итоге она ни с кем из нас танцевать не согласилась.

Я лежал на спине, и всё тело дико ныло. Постепенно темнота перед глазами стала рассыпаться, и я сквозь чёрные пятна начал что-то видеть.

Местность была холмистая. Всё вокруг имело нарочито синевато-серые оттенки. Серая трава, серая река, серые камни. Небо с облаками мутно-грязного цвета было пасмурным и тоже давяще-серым.

Да абсолютно всё вокруг было, блять, серым.

– Я что, так башкой ёбнулся, что цвета перестал различать? Да нет, вроде, – сам себе ответил я, оглядев свою грязную и местами уже ободранную, но явно цветную одежду.

Попытался встать, но идея была паршивая – падение в совокупности с выпитым виски дало о себе знать, вырвавшись из меня гремуче-вонючим месивом.

Вытерев рукавом уголок рта, я обратно упал на траву и

закрыл глаза.

Где-то вдали доносились звуки птиц. На ветру шелестела листва деревьев. Журчала вода в реке. Прохладный воздух приятно отрезвлял, и постепенно становилось легче.

С горем пополам я дополз до речки, разделся и нырнул в ледяную воду.

Помогло. Протрезвел моментально.

А всё вокруг было по-прежнему безжизненно серым...

Наспех перекусив, обсох, оделся, собрался с силами и, игнорируя боли во всём теле, пошёл вдоль реки, надеясь найти следы человеческого пребывания.

В школе на уроках биологии меня учили не есть подозрительные ягоды и грибы в лесу. Проблема в том, что я за несколько часов не увидел ни одного знакомого элемента флоры, а активно растущие вдоль берега светло-серые ягодки, напоминающие по виду крыжовник, очень уж маняще выглядели. Так что я не удержался и объелся от пуза. Должно признать, что были они довольно сытными, поэтому до "от пуза" было съедено не такое уж и большое количество.

Сколько там ждать? Три часа? Если не откинусь, значит, не отравлено.

Ну а пока что я себя чувствовал относительно неплохо и продолжал свой путь. Знать бы ещё куда, было бы вообще прекрасно, но что имеем, тому и рады.

Часа через полтора (по моим ощущениям) я наткнулся на первые признаки жизни... Ну, точнее, смерти. По реке плыла полуобглоданная тушка какого-то мелкого зверька с короткими лапками и длинными стоячими ушами треугольной формы.

Ещё через час начало темнеть. По левой стороне виднелся хвойный лес, заходить в который у меня отчего-то было категорически стойкое нежелание. Я насобирал хворост, кое-как развёл костёр и устроил некое подобие ночлега у речки.

Спалось беспокойно. Снилось смерть друзей. Всю ночь мне казалось, будто со стороны леса за мной внимательно наблюдают сотни нечеловеческих глаз.

Утром я проснулся ещё более разбитым, чем был, когда засыпал. Начал сопливать. Болело горло. Я размял ноющие от боли и холода кости, позавтракал и отправился в дальнейший путь. Ну а поскольку я всё ещё не умер и даже не продриснулся, набрал немного светло-серых ягод в карман.

Траекторию я решил не менять, поэтому продолжил движение вдоль берега.

Довольно быстро мой план столкнулся с небольшой дилеммой... если точнее, развилкой. В прямом смысле слова. Река, вдоль которой я шёл, оказалась результатом слияния двух более мелких. Одна брала начало из-за холмов по правую руку, а вторая – откуда-то из глубины хвойных лесов. В моём состоянии головы я решил не думать слишком долго, потому что от излишнего мыслительного процесса голова

гудела не по-детски, и свернул в лес.

Я просто бороздил хвойные просторы, шёл, шёл, шёл... Шёл, игнорируя ломоту в костях, ставшую уже дикой. Вечерело. Признаков пребывания людей видно всё ещё не было от слова абсолютно. И чем темнее становилось, тем больше тревога зудящим комом разгоралась в груди. Было навязчивое желание выбежать, вырваться из этого леса, словно я был загнанной в клетку добычей... Но добычей для кого? Узнавать мне это явно не хотелось.

Однако делать было нечего. Сколько километров впереди – неизвестно, зато известно, что позади уже слишком много, чтобы пройти до наступления ночи. Инстинктивно я ускорил шаг, пусть и понимал, что смысла в этом мало. Постепенно перешёл на бег...

Чёрт знает, сколько я так бежал. И до этого болящее тело после дополнительной нагрузки уже не просто ныло, а выло волком. Когда силы закончились окончательно, я облокотился на ближайшее дерево, сполз на траву и, закашлявшись, огляделся.

Лес, казавшийся бесконечным, был погружён в зловещую сумрачную тишину. Река в этом месте была довольно узкой, а за ней, на том берегу, древесный лабиринт заканчивался и начинались луга. Почему-то меня не отпускала мысль, что там, по ту сторону, где кончаются бесконечные лесные ряды, куда безопаснее. Однако соваться в ледяную речную воду в моём состоянии было бы безумием.

Откуда-то из глубины начал доноситься тихий, будто животный смех, из-за которого кожа моментально покрылась мурашками.

– Глючит меня же, да?.. – спросил я вникуда, но смех лишь, эхом отражаясь от древесных крон, стал будто чуточку громче.

Не найдя как себя обезопасить от щемящего чувства тревоги, я развёл костёр, ограничив камнями очаг, чтобы огонь не перекинулся на старый лес, полный сухих веток. Почему-то подумал, что зажигалка Риты буквально спасает мне жизнь. Прижался к огню поближе, поджав руками колени, и закрыл глаза. Лихорадило. Вспомнил её яркий карий взгляд, словно бы в надежде уловить и ощутить хоть немного его тепла.

Но от воспоминаний о ней грудную клетку обжигало только холодной болью.

Я открыл глаза, пытаюсь развеять поток мрачных мыслей... и встретился с безумным наблюдающим за мной стеклянным взглядом.

На расстоянии пары метров от меня на четвереньках стояло нечто, отдалённо напоминающее человека. Серо-синяя тонкая кожа, словно прилипшая к костям, длинные конечности, чёрные волосы, свисающие с головы соплями, улыбка от уха до уха, и впалые глаза, широко открытые, глядящие исподлобья. От неожиданности я подскочил и инстинктивно попятился назад – оно проводило меня леденящим взгля-

дом, от которого кожу защекотала новая волна мурашек.

В моменте я подумал, что нахожусь в полной жопе. И в этом же моменте увидел, как фантомные взгляды из леса материализуются в десятки таких же существ, неспешно приближающихся ко мне.

Я резко развернулся, и это была явно плохая идея, поскольку первое существо буквально со скоростью света приблизилось ко мне практически вплотную, но почему-то не напало сразу. И без того жуткая улыбка сменилась широким оскалом зубов-клыков.

Из последних сил я рванул к реке, наплевав на и так болезненное состояние, нырнул в воду. В конце концов, лучше уж умереть от переохладения, чем в зубах у этой твари. Сам не заметил, как оказался на другом берегу. Сердце билось в бешенных аритмичных темпах. Дрожа то ли от страха, то ли от холода, я лёг, вжавшись в себя, на влажной траве. С того берега доносился нечеловеческий приглушённый смех, однако чудовища не кинулись за мной – лишь встали истуканами на задних конечностях.

Спустя час или, может, даже больше, моё сознание провалилось. В полусне-полубреду я снова видел, как за мной до рассвета крайне нервирующе наблюдали сотни безумных взглядов.

Проснулся на рассвете, не чувствуя ног, зато остро чувствуя дикие боли во всём теле и в особенности в грудной клетке. С трудом заставил себя погрызть галеты, которые

неприятно царапали горло. Догнался ягодами. Затем брёл вперёд, сколько мог. Вместо головы я ощущал на плечах чужинный колокол. Кашлял через каждый десяток шагов. Вышел к полуразрушенным деревянным хижинам.

Хижинам?..

Нарвавшись на человеческий след, я, окрылённый надеждой, из последних сил начал заходить в каждую.

– Эй! Есть кто? Отзовитесь!

Я пытался говорить это максимально громко, преодолевая боли в разодранном горле. Влетал в одну развалюху за другой. Исследовал каждый уголок, но... тщетно. Все помещения выглядели давно покинутыми, при том то ли в спешке, то ли при нападении; деревянная мебель была разбросана и местами разбита, на стенах виднелись следы от когтей. Но ни трупов, ни скелетов я не нашёл.

Если когда-то здесь и жили люди, то очень давно. Слишком давно.

Последняя ниточка надежды оборвалась. Абсолютно опустошённый, я собирался побрести куда-то вдаль, как вдруг пейзаж резко смазался, и мою левую ногу пронзила резкая боль от крайне неприятного падения.

– Сука... – практически проскулил я, непонятно, чем больше раздражённый: болью или осознанием того, что я упал в блядскую яму-ловушку.

Попытался подняться, но безуспешно: нога была явно вывернута.

Впав в терминальную стадию отчаяния, больной, лихорадящий и более неспособный ходить, злобно посверлив взглядом серое небо над краем ямы, я закрыл глаза.

Заебался.

– Э, пацан? Живой? – эхом раздался скрипящий насмешливый голос у меня в башке. – Подъём, сынок. Давай-давай, проснулись-улыбнулись.

Очнулся я от ощущения, словно меня кто-то щипает. Когда я не без усилий разлепил правый глаз, обнаружил, что орудием пытки была длинная палка. Поднял взгляд наверх... надо мной стоял какой-то хмурый дед.

Прокашлявшись, я спросил:

– Ты, блять, кто?

– Расслабься, салага. Я тебя не убью. Ну, по крайней мере, пока что, – эта пожилая сука уже откровенно смеялась надо мной.

Не без труда я смог продать второй глаз.

– Перспективненько, что сказать, – съязвил я, ладонями растирая зудящие глаза.

– Ну, если бы я хотел тебя вальнуть, я бы сделал это в тот момент, когда нашёл тебя в бессознанке. Чё сидим, булки мнём? Хватайся давай, выбраться помогу.

Бессильными, будто обескровленными руками я ухватился за палку, и дед помог мне забраться наверх. Оказавшись с

ним на одном уровне, я заскулил от ломоты в костях и боли в рёбрах и принял горизонтальное положение.

– Ой бляя...

– Чё, не нравится? Судя по твоему виду, захворал далеко не вчера. Запустил себя. Это только начало. Готовься, сынок, дальше ещё паршивее будет.

– Спасибо, старик.

– Сделаю вид, типа поверил, что это благодарность за доставку твоей полудохлой туши из ямы.

– Ага. Интересно, и откуда же ты тут оказался? Уж не ты ли эту яму-ловушку выкопал?

Дедок ехидно засмеялся.

– Справедливо.

Покопавшись в своей сумке, этот браконьер подошёл ближе и протянул мне флягу.

– Ну что, закончили обмен любезностями? На, выпей. Полегчает.

Я недоверчиво посмотрел на своего собеседника, перевёл взгляд на не внушающий доверия сосуд, затем снова на деда и, в конце концов, махнул рукой а-ля «да похуй, хуже уже не будет» и выпил странную жижу, по вкусу отдающую польнёю.

– Это что за дрянь? – сплюнул я, отдавая пустую флягу.

– Настой на травах.

– Понятно. Надеюсь, не пронесет меня после такого дивного завтрака.

Мой собеседник, на вид среднего роста мужик лет шестидесяти – шестидесяти пяти, в ответ лишь усмехнулся. У него было лицо со строгими, но располагающими чертами, шрам от подбородка до виска, короткие седые волосы и немного отросшая щетина. Насмешливый взгляд голубых, блёклых, словно выцветших на солнце, глаз абсолютно не выглядел враждебным, и я смягчился.

Я выдержал долгую паузу, громко выдохнул и протянул ладонь.

– Макс.

– Тихон, – он убрал флягу в свой рюкзак и подал мне руку с на удивление крепкой хваткой. – Давай, опирайся. Пойдём в мою скромную берлогу, отлежишься хоть, чай не сдохнешь.

Идти, к счастью, пришлось недолго. Жилище дедули располагалось на небольшой поляне у воды. Выглядело оно непримечательно, но немного свежее и ухоженнее, чем те, которые я видел накануне. Большого я разглядеть не смог – непрекращающийся кашель отвлекал от созерцания местных пейзажей.

Тихон уложил меня на не то чтобы комфортную кровать, сделанную из срубленного с двух сторон крупного монолитного бревна и накинутаой поверх шкуры какого-то животного. Напротив меня была арка выхода. Неподалёку стоял, судя по всему, стол, выполненный тоже из цельного бревна, и стул с не очень аккуратными резными узорами. На столе

располагалось множество кучек трав и склянок с какими-то цветочками и корешками, плавающими в жиже. Чуть дальше была навалена уйма разного барахла, но осматривать её детальнее в таком состоянии у меня желания не возникло.

И всё это одного тошнотно-серого цвета.

Покопавшись какое-то время среди кучи барахла и проделав пару манипуляций со склянками, Тихон наложил мне на голову повязку из влажной ткани.

Я попытался встать, но тут же потерял равновесие и упал обратно. В ноге болезненно заныло.

– На твоём месте я бы не пытался пока что. Выше нос, салага, за пару дней на ноги тебя поставим, – Тихон протянул мне очередную мерзостно пахнущую жидкость. – А пока что попей настоя на травах.

Глубоко вздохнув, я приподнял голову и опустошил склянку, сморщив рожу, после чего принял статичное лежащее положение и стал прожигать взглядом потолок.

– И давно ты здесь? – наконец, я разбил тишину после долгого молчания.

– Достаточно, – на удивление, Тихон сразу понял, что я имел в виду. – По моим расчётам, где-то лет пять.

– Разве это так уж много?

– Я здесь уже старожил, сынок. Особо дольше тут и не пробудешь.

– Почему же? – свесив ноги, я не без труда наклонился и нащупал рюкзак, достал оттуда бутылку воды и сделал па-

ру глотков: горечь от принятой бадяги вызывала навязчивое першение в горле.

– Ишь какой любопытный, всё да сразу ему Расскажи. Лежи давай, сил набирайся. А то смотреть на твою измученную морду тошно.

С этими словами дед, прихватив с собой рюкзак, вышел из лачуги и оставил меня одного. Я накрылся шкурой и довольно быстро уснул.

Ближайшие несколько дней я спал практически всё время. Периодически Тихон меня будил, чтобы впихнуть очередную порцию тошнотворной жижи, после чего я нехотя грыз галеты и снова проваливался в сон.

Что удивительно, через пару дней постельного режима я был абсолютно бодрячком.

Глава 6

Трухлявая лачуга моего нового знакомого с особой страстью к зловонным травкам стояла на поляне, и во все стороны от неё расстился хвойный лес. Местность, судя по горизонту, была холмистая. Небо спустя несколько суток моего затворничества было таким-же тёмно-серым, заволочённым тучами.

Наконец-то я смог нормально изучить, где я, собственно, нахожусь.

Я умылся в ручье ледяной водой и глубоко вдохнул свежий хвойный воздух. Тихон набрал воды в флягу и сделал пару глотков.

– Неужто ожил?.. Амнезией не страдаем? Много что помним? – освежившись, спросил он.

– Достаточно, чтобы предпочесть это забыть. Слушай, мне вот интересно, откуда там всё-таки эта яма организовалась, и как ты меня настолько быстро нашёл? Реально твоих рук приколы?

Мой собеседник широко улыбнулся и ловко увёл разговор в другое русло.

– Долго ты бродил по пограничью?

– Чего?

– Сколько ты искал выход в коридоре, прежде чем попал сюда?

Слова Тихона словно разбили хрупкое стекло относительно безмятежности, в которой я пребывал. Уставившись на серую траву, я начал вспоминать всё то, что пережил с момента, когда Рита предложила пойти в "Щель". Смерть друзей, клыки монстра, измазанные в их крови, бесконечные комнаты, блокнот матери... Пёстрое слайд-шоу в моей голове заставило меня вздрогнуть.

С трудом собравшись, я встряхнул головой и стал прикидывать, сколько же, навскидку, времени я провёл в этом кошмаре.

– Думаю чуть меньше месяца я суммарно по «Щели» шарохался, – выродил я наконец ответ.

– «Щели»? Это ты так пограничье называешь? – дед посмотрел на меня с нескрываемым пренебрежением. – Сразу видно, что ты в детстве телепузиков смотрел. Ну что, пошли, прогуляемся. Введу тебя в курс дела хоть малость, – Тихон притих и бросил на меня странный взгляд. – Учитывая, что ты не спрашиваешь, кто такие телепузики, у тебя, походу, вообще мороз в башке.

Ну, подумаешь, смотрел пару раз в детстве. А что такого-то? Сейчас ещё начнёт свои басни заводить о том, как раньше трава была зеленее и как испортилась молодёжь. Зануда.

Мы двинулись в сторону леса, и этот старпёр проложил свою речь.

– Буду краток: мы с тобой не оставили себе дороги назад в

тот момент, когда перерезали кабель. То, где ты сейчас находишься, — он повертел указательным пальцем вокруг. — Это мир, которому ты не принадлежал от рождения. А мир этот к чужакам кране враждебен. Мы называем его Локой, — дед прервался, наклонился к кусту с серо-синими ягодами и нарвал их, часть отдав мне. Остальные он закинул себе в рот, и я последовал его примеру. По вкусу они были кисловатыми и чем-то напоминали клюкву. — Пограничье, ну, то, что ты называешь «Щелью», по сути, это парадная в Локу. На то оно и кличится так, что это пересечение нашего родного мира и этого. Граница. Провод, который ты резанул, был твоей единственной привязкой к нашей реальности. Пути назад нет, понятно?

— Сказал, как отрезал.

Дед, шмыгнув носом, продолжил, явно не выкупив шутки.

— Просто не хочу, чтобы ещё один несчастный потратил весь остаток своего времени на поиск несуществующего выхода. Так вот, сынок. Мы с тобой находимся на первом уровне, так называемом «сером». Отсюда есть выходы на разные подуровни, если так их можно назвать. На подуровнях особо шастать не советую, на большинстве из них вообще чёрти что творится и половина законов физики не работает, — он снова прервался, в этот раз подойдя к импровизированному капкану, и вытащил оттуда какое-то странное существо. — Опа, вот это хорошечно. Э-эх-х, с гречей бы вообще вкуснятинка была...

– Мы это будем есть?

– Ну, если не хочешь, можешь не есть, а я ещё как буду.

– Выглядит не то чтобы съедобно.

– Чем богаты, тому и рады. Это хвоебегун. Мясо у них достаточно мягкое, чем-то отдалённо напоминает куру.

Животное чем-то походило на кролика, но с длинными когтями, клювом как у дятла и маленькими чёрными глазками. Тихон привязал тушу за уши к поясу и двинулся дальше.

– А сколько всего уровней здесь?

– Да хер его знает. Поговаривают, что десять. Некоторые даже строят легенды о том, что за десятым есть выход в наш мир, но чушь это всё, скажу я тебе, салага. Стоять, – Тихон резко остановился, и я чуть было не врезался в его спину. – Видишь вот эту траву? Это бордовка. Ты из неё отвар пил, – он наклонился и стал рвать чернильно-синие листья с тёмно-бордовыми пятнами. – Помогает при простуде и лихорадке. Что стоишь? Помогай давай.

Я присел и стал рвать странное растение. По запаху оно напоминало ту самую полынь. Редкостная мерзость.

– Бордовка... Названия у вас тут, конечно, прикольные.

– Ну во-первых, возьми и лучше придумай, – усмехнулся Тихон. – Полная энциклопедия по флоре и фауне Локи ещё как раз не составлена и открыта к правкам. А во-вторых, не «у вас», а «у нас». Забыл, что ты сюда не в гости пришёл?

– Ладно, понял, молчу.

Дед встал, отряхнулся и протянул мне нарванную бордов-

ку.

– На, неси. Пошли остальные капканы проверим. По дороге ещё пару интересных травок покажу.

Как только начало темнеть, мы вернулись в хижину. На столе дед разложил промытые травы сушиться, после чего пошёл потрошить попавшихся в капканы хвоебегунов. Я сидел на кровати и протирал влажной тряпкой рану на затылке, полученную, судя по всему, во время падения на этот уровень.

В голове, честно говоря, была та ещё каша, но я старался не думать обо всём, что услышал сегодня, и просто пялился куда-то в стену.

– Чего ты там прохлаждаешься, салага? – голос Тихона извне хижины отвлёк меня от раздумий. – Отставить бездельничать.

Я вышел наружу.

Тихон уже развёл костёр и кивком головы указал мне на конструкцию, напоминавшую импровизированный мангал. Я помог усадить мясо на металлические прутья и присел возле огня на корточки.

– Слушай, Тихон.

– Ась?

– А как тебя сюда нелёгкая занесла?

– Ну, эт забавная история. В нашем мире я был бомжом.

Залез в подвал погреться. А потом увидел провод, ну и на медь решил его резануть. В пропасть прыгнул, потому что мне стало грустно, да и кушать уже хотелось, и я решил закончить свои мучения. А тут от оно как – мучения продолжились, но хотя бы свой дом появился наконец-то.

– Серьёзно?

– Нет, конечно, болван.

Я закатил глаза и глубоко вздохнул.

– И многих ты новоприбывших встретил здесь ужином из кролика с клювом и настоем из вонючей травы?

Тихон засмеялся.

– Ну человек двадцать на путь истинный наставил и в дорогу сопровождал.

– И куда они ушли?

Я и не думал, что людей здесь было потеряно настолько много. Странно, но никто из моих знакомых ни разу не видел новости о пропавших без вести в районе этого Пограничья.

– Кто-то на второй уровень, кто-то на подуровни, кто-то напрямиком на тот свет. У каждого своя судьба.

– И ты с ними больше не виделся?

– С парой-тройкой виделся. Информацией свежей поделились.

– А почему здесь никто не остался?

– Ну, на «сером» один остался.

– И где он?

– Уже откинулся. Славный был малый.

– А что с ним случилось?

– Я его и прикончил. Опережая твой вопрос о том, зачем и почему: шас замолчи и прислушайся к звукам, – он махнул рукой в сторону леса и перевернул мясо, жарящееся на костре, на другую сторону.

Из леса доносились скрипы деревьев и... уже знакомый тихий нечеловеческий смех.

– Что это за существа? – спросил я. – Уже сталкивался с ними... не очень дружелюбные.

– Безумные. Многие из них были такими же, как мы с тобой. И мы ими тоже станем, если раньше не сдохнем.

– О чём ты?

– Это ж не наш мир, телепузик. Забыл? Или ты думаешь, что мы можем спокойно тут бродить и наслаждаться бытием? Фантазёр, – Тихон снял шампуры, разобрал часть конструкции-мангала и повесил над огнём котелок. – Лока нас отторгает. Наш брат чужд этому месту. Люди здесь потихоньку сходят с ума. Напитываются этой заразой из еды, воздуха, воды. Потихоньку, по малому, но оно тебя погубит. И я уже тоже чувствую эту отраву в крови.

– И что с тобой станет?

– Присоединюсь к нашим лесным соседям и буду рычать и кидаться на всё живое, что увижу, – дед засмеялся, делая какой-то отвар. Ну, в этот раз хоть не воняет. – И ты тоже. Только позже.

– Насколько позже?

– А кто ж его знает. Организм и рассудок по-разному у всех этому сопротивляется. Я вот уже пять лет борюсь. Кого-то хватало на пару недель. Я слышал про мужика, который обезумел почти через десять лет. Но это, скорее, исключение.

Тихон разлил нам отвар и снова перевернул мясо.

– Это что? – спросил я, брезгливо глядя на жижу.

– Можешь считать, что чай. Успокаивающий. Попробуй.

С полминуты я сверлил взглядом напиток, после чего-таки решился и сделал глоток. На удивление, было вкусно. Отвар бальзамом разливался у меня внутри, и мне действительно стало спокойнее.

– Аххх, хорошечно, – потянул Тихон, отпив немного. – Скоро уже и ужин будет готов.

Я кинул взгляд на хвойный лес, из которого доносился вой, перетекающий в смех. Стало не по себе. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, решил задать вопрос:

– Слушай, а почему ты меня салагой называешь?

Дед уставился на меня, словно непонимающе.

– В армии служил?

– Служил.

– А я на том свете командиром был. Отставить глупые вопросы, салага.

Посреди ночи меня буквально пинками разбудил Тихон.

Я подскочил со шкуры, на которой спал на полу, и растерянно замотал головой.

– Чего тормозишь? – фыркнул он. – Бегом костёр разводить, валет.

Я спросонья выплелся наружу и вяло побрёл за дедом.

Серый лес накрывал густой, словно вязкий туман. С ещё более тёмного, чем вчера, неба капали маленькие крупинки холодного дождя. Тихон бегал вокруг костра, поспешно добавляя труху и ветки в смоле.

Когда я всматривался вдаль, мне чудилось, будто туман медленно тянул свои лапы в нашу сторону.

– Если тебе кажется, что он движется на нас, то тебе не кажется, – словно прочитав мои мысли, пробубнил дед.

Из тумана доносился протяжный вой и словно записанный в слоу-версии истерический смех.

– Ты помогать будешь или так и станешь смотреть? Эти твари огня боятся, нельзя дать костру потухнуть!

Я развернулся в сторону Тихона... и по моей коже мурашками пробежал мороз. Я почувствовал сзади холодное дыхание. Медленно, без резких движений я повернулся, и увидел то самое нечто с серой кожей, телом напоминающее человека. Туман, словно вуаль, окутывал его. Оно смотрело на меня безумным взглядом, склонив голову набок, и постепенно его улыбка перетекала в оскал острых, словно свежезаточенные клинки, зубов.

Буквально через мгновение оно кинулось на меня нече-

ловечески резким движением, но я успел достать из кармана нож и всадил ему промеж глаз. Существо отпрянуло, и в этот момент подбежал Тихон и ударил его толстой заострённой палкой в грудь. Встав на четвереньки, существо, тихонечко смеясь, помчалось куда-то вглубь леса с моим ножом во лбу.

– В норме? – спросил дед.

– В норме, – ответил я, стараясь скрыть свой тремор.

– Это новообращённый ещё, свежая кровь. Пока что больше похож на человека, чем на чудовище. Нет времени нюни распускать, пошли, надо не дать пламени потухнуть.

Мы вернулись к костру и продолжили поддерживать огонь. Чтобы успокоиться, я решил отвлечься, заведя диалог.

– Шустро ты его, – сказал я между делом. – Да и тогда из ямы уж больно резво для старика меня вытащил.

– Это ты сейчас кого стариком назвал? – буркнул он. – Сделаю вид, что я этого не услышал. Я, вообще-то, в самом расцвете сил.

– Ладно-ладно. В таком случае, ты в неплохой форме для... самого расцвета сил.

Тихон тихонечко усмехнулся.

– Я ж военным был на том свете. Многолетнюю физподготовку армейскую не пропьёшь, да и пропивать тут нечем, так что даже при всём желании б не вышло.

– А что там всё-таки насчёт увлекательной истории про то, что ты был бомжом, греющимся в подвале?

– Ну так, – дождь стих, и дед перестал подкидывать хвост в огонь, оглядывая бурные языки пламени и явно удовлетворённый результатом своих трудов. – Одно другому разве ж мешает?

Уснуть я больше этой ночью, конечно же, не смог.

Я смотрел на костёр, виднеющийся снаружи, вспоминал оскал острых зубов и безумный взгляд кровоточащих глаз. С грустью думал о ноже Самбиста, который эта тварь уволокла у себя в лобешнике. Пытаясь отвлечься, я начал шариться в своём рюкзаке в поисках перекуса, и нашёл пачку из-под сигарет. Открыл её...

Она оказалась полной.

– Чего, блять? – выругался я вслух, чем разбудил Тихона.

– Изверг, я спать хочу, чего орёшь? – возмущённо пробубнил он, повернувшись ко мне, но тут же оттаял. – Опа, папиросы. Сколько я их уже не видел...

Я протянул одну Тихону, а вторую, продолжительно рассмотрев, закурил сам.

– Знаешь, в чём прикол? Я готов поклясться, что эта пачка была пустой, когда я её в рюкзак кинул. Руку на отсечение даю.

– Ну конечностями раскидываться, конечно, не надо, они тебе ещё пригодятся, а вот пачка твоя – штука любопытная. Похоже, попав сюда вместе с тобой, она стала одной из аномалий. Такое бывает. Подфартило тебе, конечно, дружнице. Видимо, пачка будет теперь самовосполняться. А может

и нет, ктож его знает.

Никогда мне ещё не было так приятно делать тяжку.

– Словно заново родился, – сказал я, блаженно выдохнув сизый дым.

– Да, хороше-е-ечно, – протянул дед в своей фирменной манере.

– А что за аномалии такие?

– Ну, есть в Локе всякие штуки... с особыми свойствами. Иногда вещи из нашего мира, попав сюда, тоже такими становятся. Не бери в голову, в будущем столкнёшься ещё с ними, сам всё поймёшь. Как докуришь, хабарик в пакет у двери скинь. Не мусори.

– Кого в пакет скинуть?

Тихон посмотрел на меня, как на полоумного.

– Бычок, салага. Окурок. Провинция, мля.

Я сделал, как он сказал, и лёг на своё импровизированное койко-место, положив руки под голову. Интересное всё-таки место эта Лока, аномалии вон всякие... От любимых сигарет приятно расслабило, и уснул я уже довольно быстро.

Когда я проснулся, Тихон во всю бодрствовал и активно варил какую-то очередную бадягу.

– Доброе утро, – поприветствовал я.

– Уже добрый обед. Часа 4 назад встал, в отличие от тебя. Армейский режим, как-никак.

– А постоянно бурчать тебя тоже в армии приучили?

Дед недовольно цыкнул и продолжил заниматься своим

любимым делом. Я же, сладко потянувшись, перекусил и отправился искупаться в ручье, после чего Тихон отправил меня проверить ближайшие капканы.

Поскольку их расположение дед мне уже показывал, дело было завершено довольно быстро. Однако слушать брюзжание старика у меня настроения не было, я решил прогуляться и изучить получше ближайший хвойный периметр.

Бесцельно бродил по лесу я около полутора часов. Моё внимание ничего особо не привлекало за исключением, разве что, пары причудливых кустарников и странной маленькой птицы, которая будто бы летала за мной по пятам. Я подумал, что, пожалуй, надо будет спросить о ней у Тихона, когда вернусь, как вдруг мой взгляд зацепился за кое-что действительно стоящее.

Впереди обрывался склон, в котором я заметил небольшую пещеру. Ну, разумеется, я даже думать не стал и, достав из рюкзака фонарик Лёхи, решил её исследовать.

Однако исследование оказалось куда более скучным, чем я мог представить. Вопреки моим ожиданиям, пещера представляла из себя просто абсолютно прямую дорожку вперёд. Тем не менее, игнорируя своё разочарование, я решил дойти до конца, предполагая, что в итоге упрусь в тупик. Шёл минуту, пять, десять... и внезапно увидел вдали свет.

Любопытство – отличный мотиватор, и, перейдя на бег, я принялся стремительно приближаться к предполагаемому выходу. И вот уже по ту сторону пещеры видны серые ма-

кушки непривычных деревьев.

Первое, что не могло не броситься мне в глаза – лес здесь был лиственный. После бесчисленных гектаров хвой видеть такие деревья было весьма необычно, настолько, что даже навеивало какую-то странную тревогу. Второе – деревья располагались весьма обособленно друг от друга. *Крайне* обособленно. Третье – они были достаточно странной извивающейся формы, некоторые буквально плющом ползли по земле; по высоте они больше походили на добротные кустарники, а на крупных редких листьях жилки странно поблёскивали зелёным.

Как только я на шаг ступил за арку пещеры, в нос ударил странный запах. Чутьё внутри вопило, что лучше чем-то заткнуть нос от греха подальше, поэтому я натянул на нижнюю часть лица футболку. Было решено рассмотреть причудливые деревья поближе, так что я продолжил путь.

Спустившись с небольшой возвышенности, на которой находилась пещера, я подошёл к ближайшему коренастому представителю флоры. Его длинные извилистые ветви почти что соприкасались с землёй. Ствол был поражён кучей странных отверстий, из которых сочилась смола – на вид это напоминало гноящиеся раны. У корней, снизу, лежало несколькодохлых птиц и мелких зверьков с небольшими лужицами чего-то жидкого под ними. Из привычной монохромной картины выбивалась зелёная пыльца, лежащая на листьях.

Подул ветер, и пыльца разлетелась вокруг. Я инстинктивно прижал футболку плотнее к носу.

– Оно умирает... – услышал я хриплый голос сзади. Едва ли не подпрыгнув от испуга, я машинально обернулся на источник звука.

Передо мной стояла ссохшаяся, со впалым лицом и тонким телом бабуля лет восьмидесяти. В руках у неё было ведро с водой. Глядя абсолютно неживым взглядом на дерево, она медленно пошла в его сторону.

– А, э, здравствуйте? – растерянно сказал я.

Она, проигнорировав меня, приблизилась к дереву, вылила воду в корни и легла на землю.

– Бабуся? – не найдя, как сформулировать вопрос, я произнёс лишь это.

Она, не глядя на меня, повторила:

– Оно умирает...

– И что с того?

– Мы должны ему помочь...

– Ну, вы же его полили. Больше ничем помочь ему невозможно.

– Глупый... – она хрипло усмехнулась. – Мы отдадим ему жизнь...

– Дереву отдать человеческую жизнь? Я, конечно, поддерживаю гринпис, но не настолько. Да и пис тут не очень-то и грин, за исключением разве что этой странной пыльцы.

– Ты не видишь истины... наша жизнь – ничто, мы лишь

слуги... вдохни в себя его мудрость, не прячься от неминуемого, и ты всё поймёшь...

– Пиздец, шиза старческая, – буркнул я, уходя от странной бабки подальше.

В воздухе хитрым танцем завивались зелёные частички пылцы.

Проходя мимо других деревьев, я обратил внимание на то, что трупки мелких животных были у каждого из них. Поморщившись, я продолжил движение вперёд, пока не вышел к невероятно крупному дереву, возвышавшемуся над остальными буквально в несколько раз.

Под ним лежала гора трупов. Мелких птиц, крупных зверей и... людей. Краем глаза я заметил движение, и, развернувшись в его сторону, увидел, как из небольшой низины выходят исхудалые болезненного вида люди.

– Оно умирает... мы спасём... наша жизнь – ничто... – урывками разобрал я их малосвязную речь.

Люди подходили к дереву, забирались по трупам и ложились сверху. Один за другим. Прибывало их всё больше, а живая гора у корней становилась выше.

Меня передёрнуло, и я побежал прочь из этого сумасшедшего места. По пути в пещеру я мельком бросил взгляд в сторону того дерева, у которого легла бабка – под старушкой, словно бы ещё более иссохшейся, уже виднелась небольшая странная лужица.

До лачуги Тихона я так и не переходил с бега на шаг, и

только влетев в неё пулей, распластался на полу на шкуре и стал пытаться отдышаться.

Дед, в это время мирно попивающий какую-то новую бадягу и вырезающий ножом узоры на деревяшке, повернулся в мою сторону, бросив непонимающий взгляд, выгнув вверх одну бровь.

– Решил пробежкой заняться? – с усмешкой спросил он.

– Капканы сегодня пустые были, – с тяжёлым дыханием сказал я, проигнорировав его колкость в мой адрес.

Тихон молча вздохнул и протянул мне свою бадягу. Ничего не спрашивая, я осушил стакан до дна.

– Успокаивающий, – сам ответил на незаданный вопрос он.

– Слушай, дед, а не твоя ли бабка-шизофреничка в лесу потерялась?

– Кого ты опять дедом назвал? – Тихон хотел возмутиться, но вскоре махнул рукой в мою сторону и отвернулся, продолжив вырезать. – Что случилось-то, какая бабка?

– Ну, я нашёл лиственный лес с какой-то странной зелёной пыльцой и людьми, несущими какую-то ахинею про самопожертвование во благо деревьев.

Тихон, казалось, ничуть не удивлённый, даже не повернулся в мою сторону.

– О, бывает.

– Бывает? Это всё, что ты можешь сказать, что ли?

– А что ещё? Ну, меньше надо всякую хрень нюхать, а то

там и не только спасением деревьев будешь бредить... – он в привычной манере отшутился, но, столкнувшись с моим явно осуждающим взглядом, отложил нож с деревяшкой и всё же продолжил в нормальном ключе. – Да это пыльца ядовитая. Кто вдохнёт, раболепить начинает перед деревьями. Они там как высший организм. Зверьё и люди себя в жертву приносят, корни из них вытягивают соки жизни. Молодец хоть, что сам не нюхнул... Кстати, – он резко поменялся в лице и сквозь прищур вперился в меня взглядом. – А как ты то не надышался?

– Да я сразу как из пещеры вышел... бля, не знаю, меня душило дурное предчувствие. Футболку на нос натянул.

– Предчувствие дурное, говоришь?

– Ну да. Меня оно в принципе часто спасает. До того как попал в Локу, даже и не догадывался, что у меня такая хорошая интуиция.

– Хм, – Тихон ещё больше прищурился, просверливая меня блёкло-голубым взглядом. – Слушай, а твои родители чем по жизни занимаются?

Я удивился такому вопросу не в кассу.

– Уже ничем. Отец без вести пропал, мать умерла. А что?

– Да ничего, просто интересно стало. Забудь, сынок, – дед отвернулся и продолжил заниматься своими делами.

Мне это, разумеется, показалось странным, но я решил не вдаваться в расспросы. Хватит с меня на сегодня шокирующей информации, от прикола с пылью до сих пор не ото-

шёл. Поэтому просто перевёл тему.

– Так а что это был за странный лес?

– Дак это обычный подуровень.

– Подуровни, уровни... Чем то и то отличается друг от друга?

– Ась? Я же, вроде, рассказывал тебе. На каждом уровне есть туева хуча подуровней. Ну вот взять тот же «серый», где мы с тобой находимся. Вообще он относительно безопасен, но на нём множество менее спокойных аномальных зон, на которых свои законы и приколы. А наш уровень, кстати, в целом интересный товарищ. Ночью лесок заметно так возрастает в своей опасности, как ты уже мог заметить. Да и прелестная аномалия тумана, с которой ты уже знаком, делает во время своей активности этот уровень чуть ли не опаснее, чем ночью. Галлюцинации, моральное истощение, куча существ, нестабильность пространства... В общем, проблем хватает.

– А днём что?

– А днём глубоко в лес гулять не ходи всё пучком будет. Ну и что попало не нюхай, желательно. Но это так, в целом на будущее совет.

Глава 7

– А, эт смертоягодник. Не советую его пробовать. Думаю, по названию и так всё ясно.

– Предельно, – ответил я, отходя от кустарника с белыми бархатистыми ягодками.

– Вот видишь. А ты на местные названия жаловался.

Время летело незаметно. Каждый день Тихон меня таскал в лес, учил местной растительности – её пользе и вреде, отчего я, мне кажется, уже научился спать на ходу с открытыми глазами. Периодически он меня припрягал с проверкой капканов и другими бытовыми вопросами.

За недели, которые я провёл с дедом бок о бок, я к нему уже привык. Тихон много знал и охотно этим делился. Иногда вечерами мы рассказывали друг другу разные байки, и это помогало скрасить изоляцию от людей и прежней жизни.

Я потянулся и посмотрел в небо. И всё-таки пасмурно-серый небосвод, деревья с сине-серыми иголками, холодно-серая трава, дымчатая земля и живность с одинаковым окра- сом знатно нагоняли тоску. Я словно очутился в старом чёрно-белом кинофильме. Редкие проявления других цветов уже вызывали тревогу, но и их отсутствие нехило давило на психику.

Закурил. Надеюсь, Тихон не ошибся в своей мысли о том, что эта пачка заполнилась не разово.

– Что, серый цвет на мозг давит? – усмехнулся дед. – Привыкнешь со временем. Если, конечно, решишь остаться на «сером», а не пойти на другой уровень. Какие планы-то вообще, сынок?

– А хрен бы его знал, – я пнул камень, который валялся неподалёку от меня. – С тобой побуду пока.

– Так себе идея. Моё время... к концу подходит. Голова в голове становятся уже слишком навязчивыми. Не знаю, сколько ещё смогу сопротивляться. Ну да не будем об этом. Пойдём назад.

Сегодня капканы нас порадовали тремя тушками, так что ужин выдался на славу. Сидя у костра, мы с Тихоном, будучи оба не то чтобы общительными людьми, снова словили какое-то особое настроение на потрындеть, поэтому вечер у нас коротался за беседой.

– Слушай, салага, а угости галетами? Будто тыщу лет их не ел.

Я сходил в лачугу, достал из рюкзака упаковку и принёс деду.

– По армии соскучился?

– Можно и так сказать. В принципе всё это было так давно, будто в прошлой жизни, – ответил Тихон, жуя галеты и запивая своей обычной бадягой. – Мы в части постоянно галетами перебивались. Так что, считай, вкус юности.

– Вам разве не выделяли нормальные поставки провизии? – удивился я.

– О, ну это вообще история интересная. Я тогда ещё совсем молодняком был, вроде, лет двадцать пять стукнуло. На тот момент только получил звание старшего прапорщика. Слышу краем уха – духи жалуются, дескать, лейтенант наш на руку нечист. Ну, значения не придал. А мы только крупы, овощи да субпродукты ели. На десерт – галеты. Я-то чего, я человек простой, что дают, тому и рады. А тут как-то заходил в казармы по делу, духи не ожидали, сидели на кроватях болтали; у них там слушок пошёл от одного из ребят, что нам, оказывается, мясо поставляется, только вот с подачи лейтенанта до стола не доходит, так скажем. Думаю, неполадок, зашёл к ним, по струнке смирно поставил, объяснил, что не по уставу барагозят, наряды всем раздал вне очереди. Ну а через пару дней салагу этого обвинили в воровстве, а в те времена с этим всё строго было, трибунал ему назначили. Я его хорошо знал, он человек честный был, не стал бы до такого опускаться. Поговорил с духами да узнал, что многие из них действительно видели, что лейтенант всё это время мясо присваивал и продавал, пока мы галеты грызли, а как пацан об этом заговорил, так тот на салагу рапорт и накатыл, мол, он и ворует. Ух, и выиграла во мне юная горячая кровь тогда, конечно...

– И чем всё закончилось?

– Да чем, чем. На утро пошёл в штаб, рассказал об этом знакомому капитану, посоветоваться решил. Тот ответил, что без явных доказательств никто разбираться и обвинять

лейтенанта не будет. Вышел злой, а тут эта гадина на глаза попалась. Ну я терпеть не стал и пиздюлей конкретных ему надавал. Так славно, что тот аж явку с повинной устроил.

– А ты хорош, дедуля, – я засмеялся.

При последнем слове Тихон закатил глаза, но всё же никак комментировать не стал.

– Ну, мне, конечно, тоже прилетело за драку со старшим по званию, но жестить не стали. Понимающе отнеслись, обошлись выговором. Пацана нашего оправдали, понятно дело.

– Расскажешь ещё пару армейских баек?

– Да чего всё обо мне-то. Сам расскажи что-нибудь. Кто ты, откуда, как нелёгкая тебя в этот мир занесла. А то столько знакомы, а так мало о тебе знаю.

– Не скажу, что могу чем-то удивить. Работал грузчиком, потом автомехаником. В армии служил по срочке. Пришёл на пограничье это ваше с друзьями побродить, так и оказался здесь.

– Интересные у вас с друзьями развлечения.

– Ну, мне эта идея сразу не понравилась. Но Рита настояла...

При упоминании её имени в горле встал болезненный комок.

– Девушка настояла, значит... Эх, юность, – ехидно улыбнулся дед.

– Мы просто друзьями были.

– Знаю я эту вашу дружбу, – он хитро подмигнул. – Мы

с одной санитаркой тоже так дружили, но затягивать дружбу не стал да и позвал её замуж. Долгие годы бок о бок по жизни шли. Ну да ладно. Где твои друзья сейчас-то?

– Умерли. Оба. Я единственный успел кабель перерезать.

– Соболезную, сынок, – дед ободряюще похлопал меня по плечу. – А как ты кабель догадался перебить?

– Друг успел крикнуть перед тем, как его убили. Да и читал что-то такое в дневниках матери... У неё вообще много странных записей было про какое-то аномальное место. Только не так давно сопоставил факты и понял, что это про Щель... пограничье, пардон.

– Дневники матери, значит... любопытно.

– Сам мало что понимаю.

– Знаешь, – дед встал и отряхнулся. – Дружеский совет: ты бы больше про это никому здесь не рассказывал. Как и про чуйку свою на опасности. Мне в том числе.

– Почему? – я поднялся вслед за Тихоном.

– Потому, что не хочу, чтобы могилу мою потом ворошили.

– И что всё это значит?

– То, что, во-первых, выживать в Локе тебе будет гораздо легче, чем нам всем. А во-вторых... что людям здесь нельзя доверять. Скоро и сам в этом убедишься. Но твоё чутьё тебе врать не должно, так что прислушивайся к нему как можно чаще. Ну, полно болтать, уже совсем стемнело. Пора на отбой.

Мне спалось крайне тревожно. Всю ночь я ворочался и не мог найти себе места. После очередного бредового сна я проснулся... И увидел Тихона, сидящего на кровати и пристально глядящего на меня странным взглядом.

– Дед? Ты чего не спишь? – обеспокоенно спросил я.

Он не ответил. Молча встал и начал неспешно приближаться ко мне.

– Ты что задумал?

Но Тихон не ответил снова, лишь резким движением кинулся на меня. От неожиданности я не успел ничего предпринять, и он, воспользовавшись моим замешательством, прижал меня к полу и начал душить. Беспомощно побарахтавшись с пару секунд, я всё-таки взял главенство на себя и перевернул его спиной к полу, заломав ему руки.

– Дедуля? Ты чего? Тихон...

Однако он так просто сдаваться не планировал. Он со всей силы вцепился зубами в моё предплечье, прокусив до крови, и я от боли потерял бдительность, чем тот незамедлительно и воспользовался, снова кинувшись на меня.

– Тихон, очнись, что ты творишь? – панически пытался я воззвать к его рассудку.

Но во взгляде деда рассудка не было. Только холодное безумие. Он начал тихонечко смеяться...

Увильнувшись, я высвободился из его хватки и схватил стул. Когда дед снова кинулся в мою сторону, я ударил его по го-

лове, и тот упал замертво.

От вида беспомощно распластавшегося на полу Тихона мне стало не по себе, и я стёк по стене на пол. Руки неистово тряслись, пульс зашкаливал. Я взялся руками за голову, пытаюсь понять, что только что произошло.

Безумный взгляд... странный смех... Тихон говорил, что люди здесь обращаются в существ, подобных тем, что я видел в лесу.

Меня пробрала дрожь...

Я не спал до конца ночи. Стало рассветать. Тело Тихона всё так же беспомощно валялось на полу лачуги, в которой я с ним провёл столько времени...

На этой кровати я лежал, когда он меня притащил на себе волоком из ямы. В углу стола валялась дощечка, на которой он так и не успел дорезать свои узоры. Среди куч склянок и трав лежала недоеденная пачка галет, которую я отдал вчера...

Видеть всё это стало тошнотворно невыносимо. От закипевшей внутри меня злости я резким движением смёл все склянки со стола. Звук разбивающегося стекла гулким эхом резонировал от деревянных стен. Затем я подошёл к куче вещей, наваленных в углу, и начал яростно колотить их ногами, расшвыривая во все стороны. Не успокоился.

Взял рюкзак и топор, накинул шкуру, на которой спал, на спину, выбежал из лачуги. Начал крушить её топором. Крепкая, не поддавалась. От отчаяния вышек к лесу и начал ру-

бить эти мерзкие серые деревья.

Выдохся. Кинул топор. Отдышался. Закурил. Вгляделся в лес, откуда за мной, словно надменно смеясь, наблюдали.

Я ненавидел этот лес. Ненавидел этот чёртов уровень. Ненавидел этот ненормальный мир. Ненавидел Тихона за то, что он сдался этой заразе.

Со злости я поджёг палку и, размахнувшись, закинул её на дерево, которое тут же стало неспешно загораться. Затем огонь плавно перебрался на соседнее. Потом на следующее. Потом ещё.

Я забрался на ближайшую каменистую сопку и сел.

Молча наблюдал, как огонь набирает всё большую площадь поражения.

И пусть эта серость станет хотя бы оранжевой.

Часть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.